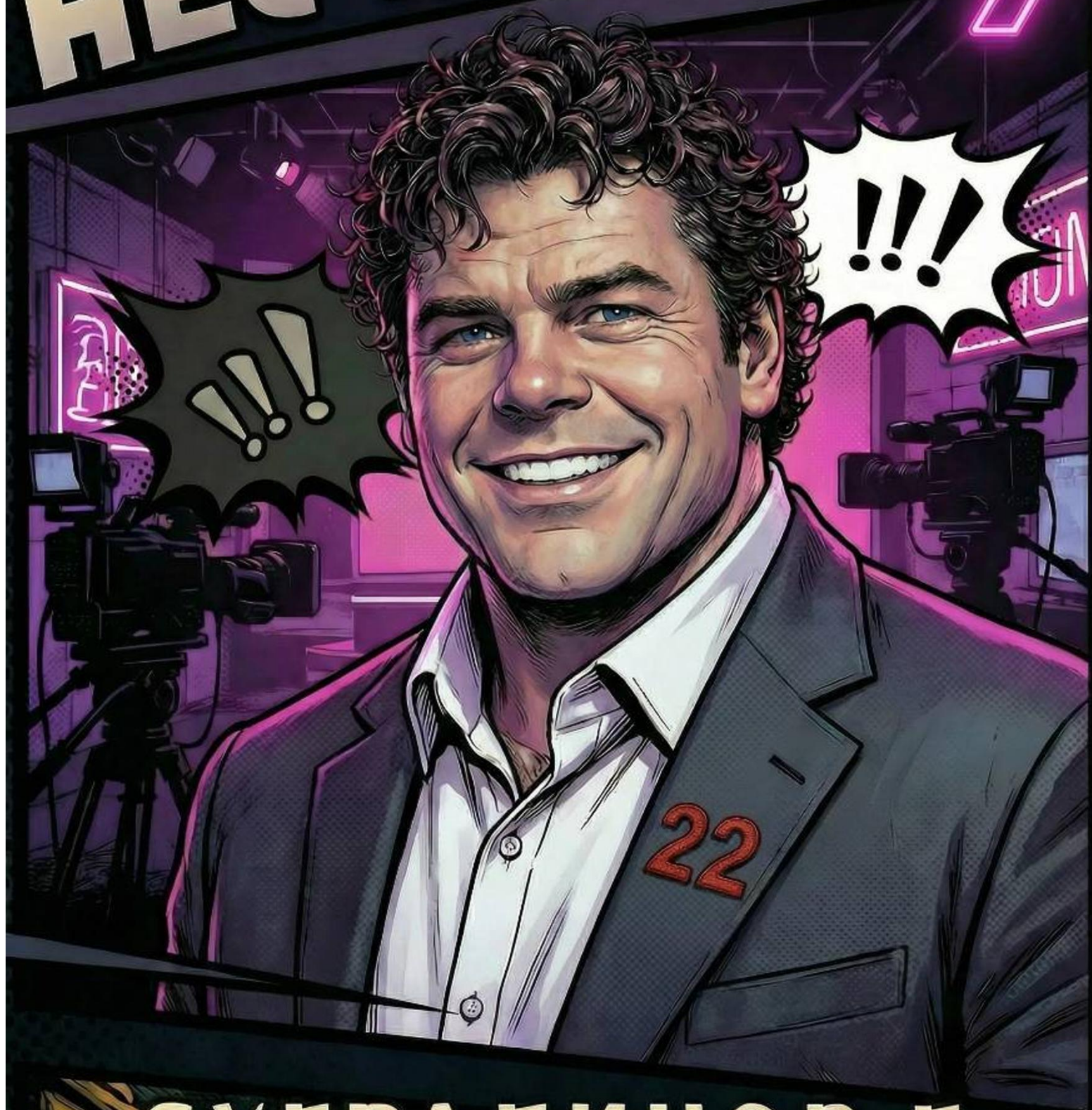

ДВАДЦАТЬ ДВА НЕСЧАСТЬЯ 9

СУГРАЛИНОВ Д.
ФОНД А.

18+

Данияр Сугралинов

Двадцать два несчастья. Книга 9

«Автор»

«Автор»

2026

Сугралинов Д.

Двадцать два несчастья. Книга 9 / Д. Сугралинов — «Автор»,
«Автор», 2026

Чем дальше в лес — тем толще партизаны. Если эта конференция взорвет научный мир, то виной всему доклад Сереги Епиходова. Пусть теперь плагиаторы Лысоткин и Михайленко кусают локти — все, отпрыгались! Но главное — удалось задружиться с Марусей и Сашкой и разрулить дела в аспирантуре. А тут еще это ток-шоу на центральном ТВ — как снег на голову!

© Сугралинов Д., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Аннотация	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	46
Глава 8	53
Глава 9	59
Глава 10	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Двадцать два несчастья. Книга 9

Глава

Двадцать два несчастья
Книга девятая
Сугралинов Д., Фонд А.

Аннотация

Чем дальше в лес — тем толще партизаны. Если эта конференция взорвет научный мир, то виной всему доклад Сереги Епиходова. Пусть теперь плагиаторы Лысоткин и Михайленко кусают локти — все, отпрыгались!

Но главное — удалось задружиться с Марусей и Сашкой и разрулить дела в аспирантуре. А тут еще это ток-шоу на центральном ТВ — как снег на голову!

Глава 1

Да, после первого приезда в Москву автостопом я подспудно все больше убеждался, что умер не своей смертью. Но не копал... до поры до времени, больше озабоченный выживанием нового тела и решением нараставшего вороха проблем, как своих, так и чужих, а мысли о смерти... отгонял. Закрывал глаза на все это.

Ведь стоило подумать о том, что меня, как выразился Караяннис, «умерли», и яростно разгоравшаяся в сердце жажда мщения затмевала все остальное.

Система тут же отреагировала:

Внимание! Стрессовая ситуация!

Зафиксировано критическое повышение адреналина и кортизола: ЧСС 114, АД 149/96.

Рекомендуется немедленная дыхательная стабилизация.

–24 дня 14 часов от продолжительности жизни.

Прогноз продолжительности жизни уточнен: 5 лет 1 месяц 19 дней.

Увиденные цифры отрезвили. Почти месяц жизни долой за один телефонный звонок длиной в полминуты. А я даже не узнал подробности!

Выругавшись, я уже хотел было перезвонить Караяннису, как вдруг снова позвонили мне.

Яростно зыркнув на экран, я почувствовал, как внутри предательски екнуло. Да что там еще стряслось?

— Я вас категорически слушаю, тетя Нина. Дома все нормально? Или что-то случилось?

— Привет, Джимми! — воскликнула в трубку тетя Нина, и я сразу же успокоился: голос у нее был веселый. — Все хорошо, вот только Пивасик твой, чудище пернатое, выучил матерные частушки и теперь постоянно их поет.

— Где он мог их выучить? — Я слушал голос тети Нины, и улыбка блуждала на моих губах: как приятно, когда все домашние проблемы сводятся к тому, что попугай научился петь матом.

— Подозреваю, он к Смирновым в гости летал, — закручинилась тетя Нина.

— А разве их за ту кражу не взяли?

— Взяли и отпустили, — возмущенно сказала тетя Нина, — у них там какой-то блат. Мафия деревенская, ей-богу, все друг другу кто брат, кто сват. Я точно не знаю, приедет Наилька — сам спросишь.

— Понятно, — вздохнул я.

Такое соседство, конечно, не воодушевляло. Но ничего не поделаешь, ведь соседей не всегда получается выбирать. Кроме того, дом съемный, так что скоро я его покину. Кстати, за дом надо бы заплатить за следующий месяц. Э... деньги тают прямо на глазах, а нормального дохода все нет и нет.

— Эй, Джимми, ты что, уснул там? — хихикнула тетя Нина. — Слышишь, о чем я тебе говорю?

— О чем? — очнулся я от задумчивости и попытался выкрутиться: — Тут, наверное, помехи со связью. Москва все-таки.

— Говорю, что я таки выследила, кто молоко тебе носит! Вот видишь! Сказала, что вызнаю, и таки вызнала! От тети Нины не спрячешься!

От неожиданности у меня, как говорится, в зобу дыхание сперло.

— И кто же? — затаив дыхание, спросил я. Воображение подкидывало некую прекрасную хуторянку, которая приносит мне молоко, потому что тайно влюблена.

— Ты там стоишь или сидишь? — вкрадчиво спросила она.

— Стою.

— Тогда лучше сядь, а то сейчас упадешь!

— Да говорите вы уже! — не выдержал я.

— Представь! Чепайкин!

— Арсений Лукич? Да ладно! — не поверил я и добавил: — Не может быть!

— Я тоже сперва удивилась, — хихикнула тетя Нина, — а когда заловила — устроила ему всесторонний допрос, и он вынужден был признаться. В общем, молоко действительно носит он.

— Что-то я у него коров не замечал, — попытался припомнить подробности посещения его двора я. — Мне кажется, там даже самой завалящей курицы и то не было.

— Так это и не его молоко, — ответила тетя Нина. — Он все это время у сестры брал.

— Еще и сестра, — проворчал я. — Налицо картельный сговор.

— Но в размахе фантазии ему не откажешь, — одобрительно отозвалась тетя Нина и спросила деловым тоном: — Так что с Чепайкиным делать будем?

— А зачем Арсений Лукич мне молоко носил? — задал главный вопрос я. — С какой целью?

— Сперва ни в какую не признавался, но ты же сам знаешь — я кого хошь расколю, — прихвастнула тетя Нина. — Так что примерно через полчаса голубчик твой, Арсений Лукич, выложил всю правду.

— Так и что говорит этот голубчик?

— Не поверишь! Говорит, что много лет смертельно болел, и врачи не хотели диагноз ставить. А доктор Епиходов как появился, сразу понял, что дело крайне серьезное, и начал полноценно лечить. И так этот Чепайкин проникся и зауважал, что решил в благодарность что-то преподнести. А что доктор точно будет? Вот он и решил, что лучше всего молоко. От него ни один доктор не откажется. Ибо работа вредная, а молоко как раз таки от вредности и дают. И если что — свой лечащий врач будет.

— Эвона как, — глубокомысленно отметил я, не представляя, как на все это реагировать.

— Так что с Чепайкиным делать? — не дала уплыть в мысли тетя Нина, повторив вопрос.

— Узнать, почему молоко в Морках, и отдать деньги... — начал перечислять я.

— Э не-е-ет! — возмутилась тетя Нина. — Никто его молоко носить не заставлял. А раз сам, добровольно, угостить решил — значит, ничего мы ему не должны. Это даже не обсуждается. Кстати, вчерашнее молоко немного кислило. Явно не от вечерней дойки, а от утренней. Так что он мне еще бутылку молока за вчерашний день должен.

Подивившись житейской хватке тети Нины, я отмахнулся:

— Ну, тогда сами с ним разбирайтесь, а то, как по мне, нужно отдать деньги и впредь запретить носить молоко.

— Валера с тобой не согласен, — назидательным тоном сказала тетя Нина. — Кстати! Мне тут наплели, что, мол, кошкам молоко вредно, у них непереносимость лактозы.

— Почему «наплели»? — удивился я. — Это самый что ни на есть научный факт. У большинства взрослых кошек действительно снижена способность переваривать лактозу. После отъема от матери у них падает уровень фермента лактазы, который расщепляет молочный сахар. Так что молоко может вызывать у кошек диарею, вздутие и газы, что в нашем случае не есть хорошо. Хватает и того, что Пивасик вытворяет.

Тетя Нина рассмеялась и спросила:

— Ты у Валеры хоть раз понос видел? Нормальное у него г... кхм... ты понял. А раз так, нет у него никакой непереносимости! Ладно, Джимми, я лучше сама с ним разберусь.

— С кем? С Валерой?

— С Чепайкиным! Кстати, там дрова Генка привез. Ну, чтоб летнюю кухню топить. Их же, наверное, поколоть надо?

— Вернусь и поколю, — буркнул я, не представляя, когда поеду обратно.

— Так Чепайкин и поколет.

— В смысле?

— А чтоб не был таким хитрожопым! — хохотнула тетя Нина, и я понял, что Арсений Лукич конкретно так попал. — Ой, чуть не забыла, Джимми! Тут опять какие-то москвичи названивали. Телефон твой выспрашивали. Говорят, с телевидения. Я, конечно, послала их в дальний сад, но уж больно настырные, третий раз звонят.

— Правильно послали, — буркнул я. — Если еще позвонят — так и говорите, что я в тайге, связи нет.

— В какой тайге, Джимми? Ты же в Москве!

— Тетя Нина, они этого знать не должны.

— А, ну тогда ладно, — хихикнула она и с чувством выполненного долга отключилась.

А я набрал Караянниса. Какой бы бомбой ни был его предыдущий звонок, обсуждать такое по телефону он точно не станет — значит, нужно просто договориться о встрече.

— И снова здравствуйте, Артур Давидович! — сердечно поприветствовал я.

— Уже соскучился? — жизнерадостно воскликнул Караяннис.

— Так вы мне не дали сказать, что я...

— Давай угадаю! — перебил он. — Ты звонишь, чтобы сообщить, что уже в Москве и готов угостить бедного адвоката вкусным обедом?

Иногда, когда вот так мажорно верещит, он отчего-то напоминает помесь Пивасика и доктора Ливси из мультика «Остров сокровищ».

— Абсолютно верно! — хохотнул я. — Только подскажите, где тут в Москве есть достойное место, чтобы пригласить туда столь выдающегося адвоката, и чтобы при этом бедному аспиранту не пришлось продавать почку?

— А-ха-ха! — словно конь заржал Караяннис. — Не прикидывайся, Сергей, тебе не идет! И не беспокойся, есть в Москве такое место. — И он продиктовал адрес.

Уговорившись, что встречаемся там через полтора часа (место было недалеко от института), мы распрощались.

Я сунул телефон в карман и решил по дороге заскочить в библиотеку. Там находилась одна книжечка, точнее, сборник статей шестидесятых годов. И в нем, я точно помню, мой научный руководитель кандидатской, еще из прошлой жизни, опубликовал прелюбопытнейший медицинский прогноз.

И вот я решил, что начать свой доклад следует с анализа этого прогноза. Получится вау-эффект. О нем же стопроцентно все давно забыли. А я всегда придерживался мнения, что любой доклад, пусть и самый важный, нужно доносить до людей так, чтобы им было невероятно интересно. И никогда не понимал коллег, которые сухим безэмоциональным голосом бубнили за трибуной текст, зачастую даже не отрывая глаз от бумажки.

Нет, мы пойдем другим путем, мой доклад должен запомниться научной общественности навсегда. Слишком многое от этого зависит.

Местная библиотека ничем не отличалась от череды таких же в других научно-исследовательских институтах и была интересна разве что узким специалистам. Но зато здесь были настоящие сокровища, причем в единичных экземплярах, которые в сети найти довольно затруднительно, а то и невозможно.

В большом зале, который считался и читальным, была картотека и стеллажи с литературой. За письменным столом, как водится, сидела знакомая мне по прошлой жизни пожилая женщина с классическим пучком на голове. Она зябко куталась в оренбургскую белую паутинку и взидала на мир суровым пристальным взглядом сквозь роговые очки.

В зале, кроме нее, было еще двое парней. Явно аспиранты. Один, длинный и похожий на суслика, с оттопыренными ушами, торопливо перебирал карточки, периодически фоткая нуж-

ные на телефон. Второй, рыжеватый, в стильном микровельветовом пиджаке, сидел за столом и внимательно изучал журнальные вырезки, которые находились в старой потрепанной папке.

На меня они не обратили ни малейшего внимания.

— Здравствуйте, Галина Александровна, — тихо шепнул я женщине, чуть наклонившись к ней, чтобы не мешать остальным работать. — Помогите мне, пожалуйста.

— Что-то я вас не припомню, молодой человек, — прищурившись, сурово поджала губы она. — Я больше сорока лет здесь проработала и знаю всех. Но вас вижу впервые. Вы новый аспирант? Почему пришли аж через месяц после поступления? И кто у вас руководитель?

Я еле сдержал улыбку. При всей внешней суровости и даже свирепости Галина Александровна была предобрейшим человеком. При условии, конечно, что к книгам и научным статьям ее собеседник относится с должным почтением. Сколько раз в прошлой жизни она меня выручала и даже спасала. У нее в голове помещалась вся Советская энциклопедия и все медицинские справочники. И всегда у нее можно было получить толковый совет.

— Что вам надо, если вы даже не записаны в библиотеку? — продолжала нагнетать она, явно меня пугая.

Я таки улыбнулся: часто такие с виду суровые люди на самом деле очень ранимые.

— Мне нужна статья Арсения Викторовича Потапова за 1963 год¹. Публиковалась в сборнике нашего института, — мягко сказал я. — Название «Клинические аспекты и реверсия старческого возраста путем коррекции циркадных ритмов»...

— Вы не ответили на мои вопросы, — прищурилась Галина Александровна, и по ее монументально закаменевшему лицу стало понятно, что, пока не отвечу, никакой статьи мне не видать.

— Извольте, — пожал плечами я. — Епиходов Сергей Николаевич, аспирант этого года обучения. Ранее не появлялся, так как работаю в больнице. Научный руководитель диссертации — Борис Альбертович...

— Терновский! — вместо меня закончила Галина Александровна и посмотрела на меня более сердечно. — Полный тезка Епиходова. Кто бы подумал?! И тема такая же. И руководитель — Сережин ученик.

Она замерла и задумчиво покачала головой.

— Нет, этого не может быть! — уверенно сказала она. — Реинкарнации не существует! Точнее, она научно не доказана, а значит, не существует!

— Согласен, — кивнул я и, не удержавшись, ляпнул, прежде чем сообразил, что это творю: — Эндоплазматический ретикулум!

— Ч-что? — вытаращилась на меня Галина Александровна.

При этих словах она сильно побледнела, мне даже показалось, что вот-вот хлопнется в глубокий и продолжительный обморок. И это естественно, ведь так иногда называл ее только я. Об этом больше никто на всем белом свете не знал.

Кажется, я сильно переборщил и нужно было срочно исправлять ситуацию.

— Мой бывший научный руководитель, академик Епиходов, перед смертью сказал, что это пароль. И что, если я скажу так Галине Александровне, она для меня найдет любую статью, которая есть или была, или будет в институтской библиотеке.

Щеки Галины Александровны чуть порозовели, и она явно начала приходить в себя, потому что поправила шаль и буркнула:

— Вы так и до инфаркта можете довести, молодой человек. — Она устало покачала головой. — Никому этот пароль не говорите. Никогда! И сами забудьте его! Садитесь лучше вон к тому столу. Я сейчас принесу вам эту статью из книгохранилища.

---

¹ Автор и статья в реальности не существуют.

С готовностью последовав указанию, я примостился у дальнего стола, от нечего делать открыл картотеку на букву «Л» и принялся листать карточки. Когда дошел до подраздела на «Лы» — хмыкнул. Так и есть, судя по появившейся довольно-таки толстой пачке новых статей, Лысоткин всю уже пользуется моими наработками.

Я судорожно перелистывал карточки, радуясь, что в институте придерживались традиций и картотека оставалась бумажной. Видимо, оттого что многие ученые дожили уже до столь преклонного возраста, что перестраиваться им не было смысла. И мне от этого только плюс — не очень хотелось бы рыться в электронке и оставлять за собой след.

Пересмотрев все статьи, я сфотографировал несколько карточек — поищу их в «е-Лайбрани».

Когда я уже начал просматривать картотеку на «М», подраздел «Ми», в библиотеку влетела взъерошенная женщина в ярко-салатовом кардигане. Узрев, что в помещении, кроме трех парней, больше никого нет, она люто рыкнула:

— Прохлаждаетесь? Так, все трое, быстро к выходу! Там воду привезли, нужно по кабинетам разнести. И быстрее давайте!

Рыжий и ушастый с тяжелым вздохом начали подниматься со своих мест. Я же продолжал изучать картотеку.

— Ты оглох, что ли? — фыркнула женщина в мою сторону. — Или им вдвоем все носить придется? Быстро давай!

Я прищурился и посмотрел на хамку:

— Это вы мне?

— Тебе! — побагровела она и, видя, что я не проникся, добавила: — Кто твой руководитель? Я сейчас быстро ему сообщу, что его аспиранты работать не хотят!

— А я и не аспирант, — склонил голову к плечу я и продолжил, снизив голос до громкого шепота: — Я из антикоррупционного комитета. Был сигнал, что сотрудников вашего учреждения эксплуатируют вопреки должностным обязанностям. А доплат не делают. Вот меня и прислали разобраться...

Конец фразы я говорил уже в пустоту, потому что фурия сдавленно ойкнула и вылетела из библиотеки.

Парни немного постояли, но, видя, что их больше не тянут носить бутылки с водой, уселись обратно.

Рыжий не выдержал и хмыкнул:

— Красиво ты ее сделал. Заманала жаба уже!

— Сделать-то он сделал, но жаба сейчас очнется, выяснит, что никакого комитета сюда не присылали, и всем нам будет большой трындец, — печально заметил ушастый, и от такой горести его уши еще больше покраснели. — Стопудово уже звонить туда побежала.

— Ну, вам-то ничего не будет, — заметил я, — а я уж как-нибудь разберусь. Она не имеет права этого делать. Тем более средства из бюджета на погрузку и внутренние работы выделяются в полном объеме.

— А ты откуда знаешь? — изумленно спросил рыжий.

Но не буду же я ему объяснять, что в прошлой жизни входил в инициативную группу от профсоюза и мы выбили эту статью расходов, чтобы наших аспирантов и лаборантов не загружали ерундой и не отвлекали от работы.

— Шеф сказал, — таинственным шепотом сообщил я, чутко покосившись на дверь, — мол, деньги есть и на тупые разводы вестись не надо.

— Вау! Крутой у тебя шеф! — завистливым голосом сказал лопухий. — А вот мой никогда за меня заступиться не подумает даже. Да, блин, я даже с темой и программой капец — никак не могу с ним согласовать!

— А кто у тебя шеф? — спросил рыжий у меня.

— Терновский, — похвастался я.

— Везет людям, — позавидовал мне рыжий, — а у меня Ильясов, прикинь. Говорят, у него никогда никто не защищается.

Я мог только посочувствовать парню.

— Ну, если будут какие-то накладки — ты говори, может, что и придумаем хором, — сказал я.

Рыжий вежливо кивнул, но по его виду было понятно, что ни в какие кисельные берега и молочные реки он давно уже не верит.

— Да лучше уж Ильясов, чем мой, — вконец расстроенным голосом сказал ушастый.

— А у тебя кто? — спросили мы с рыжим почти хором.

— Лысоткин! — скривился лопоухий так, словно сожрал лимон целиком.

— Таки да, уж лучше Ильясов, — моментально согласился рыжий. — Тебе капец не повезло, еще больше, чем мне. Хотя у него нормально вроде защищаются. Но долго. И за эти сто лет он всю кровь выпьет.

— Это да-а-а... — вздохнул лопоухий, а рыжий вдруг радостно сказал:

— Мне кажется, это дело надо отметить! — И потер руки. — Кроме того, отсюда ливать пора, а то жаба вернется и стопудово нас таскать припашет. Еще и со скандалом.

— Мне статью ищут. Надо дожидаться, раз заказал, — с деланным вздохом сказал я. — А то, сами знаете, Галина Александровна потом больше не пустит.

Галину Александровну парни явно знали.

— Океюшки, давай забирай свою статью, а мы тебя на заднем дворе возле вивария подождем, — предложил рыжий.

А у меня скоро встреча с Караяннисом. Но если сейчас это скажу, парни решат, что я жлоб и спрыгиваю с пьянки. А портить с ними отношения никак нельзя. Особенно с лопоухим. С ним мне вообще надо, как говорится, навести мосты.

Поэтому я сказал:

— Меня шеф к своему сотруднику отправил. Там какие-то капитальные траблы с отчетом. Надо забрать и шефу привезти. И я не в курсе, сколько времени это займет. Это вообще на другом конце Москвы. Но от пьянки не отказываюсь. Давайте так: махнемся контактами, вы начинайте, а я потом сразу позвоню и подскочу. И за то, что опоздашка — проставлюсь капитально. Лады?

Ушастый посмотрел нерешительно на рыжего, а тот сразу смекнул:

— А давай! — хмыкнул он. — Приедешь, пусть и через два часа, бахнешь нормально, и мы потом все в ночной клуб рванем. Ох, я один клубешник нехилый знаю, там такие телки зачетные — закачаешься.

— Меня Сергей зовут, — представился я и продиктовал свой номер.

— А я Леха, — сказал рыжий.

Мы обменялись телефонами.

— А я Елисей, — чуть помедлив сообщил ушастый и внимательно посмотрел на нашу реакцию.

Не увидев ничего предосудительного, пояснил со вздохом:

— У меня предки все такое народное любят. Сеструху вон Златой назвали. А вторую так вообще — Ярославной. Прикиньте как звучит — Ярославна Валентиновна Ротонос. Она ждет совершеннолетия, чтобы имя поменять на нормальное.

— Так вроде ж можно с четырнадцати лет менять? — удивился рыжий Леха.

— Ой, ты моих родаков просто не знаешь, — вздохнул лопоухий Елисей. — Яре надо из дома свалить. И только потом менять. Иначе весь мозг вынесут.

Так, переговариваясь, парни отправились на пьянку. А я, дождавшись заказанной статьи, поторопился на встречу с Караяннисом.

Выяснять, с чего он решил, что меня «умерли».

Глава 2

Ресторанчик, где должен был состояться наш с Караяннисом обед, представлял собой терем в псевдорусском стиле. Эдакая горница с резными ставнями и расписным петушком вместо флюгера.

Я взошел по бесконечной деревянной лестнице, застланной алым ковром прямо с улицы, и очутился в сказочных чертогах. Бревенчатые стены, грубая мебель, словно сколоченная из бревен, но тем не менее удобная. По центру — огромная русская печь, в недрах которой клотало. По всей вероятности, там готовились для желающих особые блюда.

На стенах висели шкуры медведей, головы лосей, оленей, чучела глухарей. Официанты ходили в косоворотках и кафтанах, остриженные исключительно под горшок.

Караяннис уже сидел за столом и что-то набивал в телефоне.

При виде меня он разулыбался и заявил:

— У меня есть две новости — хорошая и плохая. С какой начать?

— С плохой, — сделал выбор я.

— Почерковедческая экспертиза подтвердила подлинность подписи на завещании, — вкрадчиво, словно кот, сказал Караяннис.

А у меня аж в глазах потемнело. Ну как же так?! Я же точно знаю, что никакого завещание не подписывал!

— А какая хорошая? — спросил я упавшим голосом.

— Нотариус проговорился — академика привозил, цитирую, «мужчина на черной машине, а не Ирина», — сказал Караяннис и прищурился. — Ты понимаешь, что это значит?

— А что за мужчина? — спросил я.

— А ключ от квартиры, где деньги лежат, в придачу не хочешь? — с мягкой укоризненной печалью посмотрел на меня Караяннис. — Сергей, неужели ты думаешь, так легко было от него эту информацию получить?

Я так не думал, но к чему клонит этот хитрозадый адвокат, вполне понял.

— Нужно найти этого мужчину на черной машине, — проворчал я. — Сами подумайте, сколько мужчин в Москве ездят на черных машинах. А ведь он может быть, к примеру, из Твери или даже из Нальчика.

— Почему из Твери? При чем здесь Нальчик? — удивился Караяннис. Иногда он был прямой, как рельсы.

— Ладно, проехали, — отмахнулся я. — В общем, тут полный тупик. Что же делать? Какие еще варианты есть?

— Стой! Стой! Стой! — вытянул руки вперед Караяннис. — Все-то у вас, молодых, должно происходить мгновенно.

— А как иначе?

— Не забывай, с твоим делом работает лучший в России и, не побоюсь этого слова, в мире адвокат. — С этими словами лучший адвокат планетарного масштаба драматично приосанился и выдержал небольшую, но глубокую театральную паузу.

Я не мешал лицедействовать. Хочет получить порцию восхищенного внимания — препятствовать не буду. Но и аплодировать тоже не стану. Я же ему деньги плачу, причем немалые.

Видя, что я не реагирую, Караяннис тяжело вздохнул и ворчливо буркнул:

— Есть еще один момент...

— Какой? — спросил я, но больше из вежливости.

— Мой человек нашел камеру с парковки около этой нотариальной конторы. И — гип-гип ура! — запись там сохранилась. На ней хорошо видно и саму машину, и даже номера.

— Да вы что?! — Меню, которое я подтянул к себе, чтобы сделать заказ, застыло в воздухе, а я уставился на Караянниса практически влюбленными глазами. — Так надо же срочно искать!

— Да не горячись ты. — От улыбки Караянниса можно было зажигать звезды. — Рекомендую заказать тушеную оленину с брусничным соусом. Уж она у них крайне недурственной получается.

Я посмотрел на него с укором, Караяннис сделал вид, что не заметил, и воодушевленно добавил:

— А тройная уха здесь просто сказочная. Сытная и наваристая. Хотя и щи от шеф-повара тоже прелестные. Пальчики оближешь!

Видимо, на моем лице отразилось все, что я думаю и про щи, и про уху, и про шеф-повара, потому что Караяннис радостно заржал. Немного отсмеявшись, он могучим глотком промочил горло морсом и задушевно изволил ответить:

— Мои ребята уже пробивают.

Я со стуком опустил меню на стол и ошеломленно откинулся на спинку дивана. Эмоции, которые я испытывал после этого финта, можно было описать как «глубокая радость с примесью раздражения и непреодолимого желания запустить в него графином с клюквенным морсом». Номера машины — это уже весомый довод, который в суде обязательно учтут.

— Ну, молодцы! — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, хотя внутри все аж кипело. — А то я уж было подумал, что придется отсмотреть все черные машины от Твери до Нальчика.

— Вот видишь. — Караяннис назидательно воздел указательный палец к потолку. — Поэтому я и просил тебя не драматизировать раньше времени. А теперь даже не сомневайся, что я самый лучший в мире адвокат! И ошибаться не привык.

Он опять отхлебнул морса, и я заметил, как его кадык удовлетворенно дернулся. Караяннис обожал моменты собственного триумфа. Я же, пока он наслаждался, наконец-то сделал заказ официанту, который наворачивал уже третий круг неподалеку, делая вид, что просто случайно протирает соседний столик.

— Значит, пробивают, — медленно повторил я, возвращаясь к главному. — Допустим, найдут этого человека на черной машине... — Я запнулся. — Допустим, он даже признается, в чем я сильно сомневаюсь. А что дальше? Как мы прижмем Ирину? Деньги и квартира уже уплыли.

Караяннис сразу не ответил. Он аккуратно промокнул губы салфеткой, затем неторопливо сложил ее вчетверо и осторожно опустил рядом с тарелкой. Этот жест означал, что сейчас он перейдет к той самой информации, за которую, как он считает, ему должны отлить прижизненный памятник, причем желательно в бронзе.

— Слушай сюда, Сергей, — сказал он, понизив голос ровно на полтона, так что я невольно вынужден был податься вперед. — Пока мои люди расследуют вопрос с завещанием, у меня в офисе зацепили еще одну твою тему. И вот у меня сейчас прямо чуйка внутри верещит, что это как-то между собой связано.

— Какую конкретно тему?

— Помнишь, ты говорил про плагиат? Эти двое подозрительных ученых, о которых ты мне рассказывал. Мол, они явно используют наработки академика. Так вот, эти твои Лысоткин и Михайленко, — произнес он эти фамилии так, будто назвал двух особо мерзких головоногих моллюсков, — насколько мы выяснили, не просто работали с профессором Епиходовым, а были его заклятыми врагами в науке...

— Я это знаю. — Пожав плечами, я вопросительно посмотрел на лучшего в мире адвоката, который сосредоточенно и аккуратно распиливал олений медальон в брусничном соусе.

Караяннис неторопливо отпил еще морса, смакуя, и мне захотелось его убить.

— И что? — таки не выдержал я.

— Совсем недавно они подали статью в солидный британский журнал. В Q1, между прочим. Название я записал, оно длинное, потом из офиса ссылку скину. А вот тему запомнил, она, если не ошибаюсь, связана с нейропротекторами в превентивной геронтологии. Мы можем их дернуть за усы...

Я нахмурился и почувствовал, как сердце пропустило удар.

— Твою ж мать! — выругался я, потому что настроение стремительно портилось. — Как же не вовремя.

Я вцепился в стакан и надолго припал к морсу: академическая грызня мне сейчас требовалась меньше всего. Но и допустить публикацию этих материалов под их именами я тем более не мог.

— Я попробую уговорить Терновского написать туда опровержение... Или его дочь Марусю... И статью отклонят или же оставят на перепроверку. А это по кругу года два точно займет. Плохо, что вы название журнала не запомнили...

— Сергей, это не просто данные покойного профессора Епиходова. — Караяннис назидательно покачал головой и в эту секунду стал похож на мудрого учителя, который застукал хулигана, бросающего пачку дрожжей в унитаз школьной уборной, и делал вид, что верит его версии о том, что это всего лишь научное исследование для урока биологии. — Ты забываешь о взаимосвязи. Раз в статье результаты его многолетних исследований, то вполне вероятно, что именно вокруг них крутится половина нашего финансового следа.

— И что делать? В пятницу научная конференция в институте, Лысоткин собирается эти результаты доложить на пленарном заседании.

— Если они доложат это на конференции раньше, чем мы успеем оформить и опубликовать наши материалы, — Караяннис отчеканил каждое слово, — это установит приоритет. Особенно если они уже отправили статью и выложат тезисы. В юридическом поле это называется «приоритет научного открытия». Я, конечно, не патентовед, но, когда на кону стоят права на интеллектуальную собственность покойного, которые стоят, между прочим, как квартира в центре Москвы, каждая деталь имеет значение.

Я замер. Пока мы тут обедаем и ищем мужика на черной машине, Лысоткин и Михайленко исподтишка оформляют перепил моих идей на себя. И если они успеют первыми — то все доказательства того, что меня, возможно, убрали ради этих самых результатов, превратятся просто в пыль.

— Так что делать? — переспросил я.

— Правильный вопрос. Выхода нет. Они успели первыми, — вздохнул Караяннис и посмотрел на меня с выражением «ты теперь понимаешь глубину моей гениальности». — Но есть один малюсенький нюанс. Мы можем их опередить. Я могу подготовить заявку на регистрацию данных покойного Епиходова. Формально — от имени фонда, который представляет интересы детей Епиходовых. Если все провернуть быстро, они будут выглядеть как плагиаторы, а не как первооткрыватели. Эдакие алмазные молотки. А плагиат в академической среде, да и в любой другой, Сергей, — это не просто позор. Это конец карьеры.

Я открыл было рот, чтобы спросить, нельзя ли оформить патент совместно на меня и Марусю, но тут телефон Караянниса, лежащий на столе, издал противный дребезжащий звук. Адвокат бросил взгляд на экран, и выражение его лица совершило стремительную эволюцию от самодовольного до заинтригованного.

— Ну надо же! — расхохотался он, словно Пивасик над Валерой.

— Что такое? — не понял я.

— Какой популярный, однако, стример. — Караяннис довольно промокнул кусочком гренка из бородинского хлебушка соус и с наслаждением отправил его в рот. — М-м-м-м... фкуфно как...

— Какой стример? При чем тут стример?

— Некий Пашка из Морков в Марий Эл. Ты, часом, его не знаешь? Он становится популярным. Видел его последнее видео про то, как в ваше Глухое озеро под лед корова провалилась?

Я поначалу не понял, потом мотнул головой и пожал плечами — заманал он перескакивать с темы на тему. Тут все мысли о завещании и плагиате, а он про тик-токи какие-то начинает.

— Смотри! — Он разблокировал телефон и протянул мне.

На экране был открыт ролик, который я уже видел. Тот самый актовый зал в моркинской администрации, знакомые лица, багровый Ачиков за трибуной...

Я глянул на счетчик просмотров и чуть не поперхнулся соком.

— Два миллиона двести тысяч? — Мой голос прозвучал сипло. — Утром только был миллион! Это... это как?

— Это, Сергей, значит, что ты теперь публичная фигура. — Караяннис забрал телефон и с какой-то почти отеческой заботой убрал его во внутренний карман пиджака. — Федерального масштаба. Поздравляю. Стример ваш моркинский, Пашка, конечно, дурак, но дурак с чувством прекрасного. Это же надо, какое видео сочинил! Это же целая история! Героический эпос! Песнь о Нибелунгах! О Роланде! Там крупный план твоего мужественного лица, тонны комментариев и куча предположений, оставят тебя на работе или нет.

— Да видел я, — мрачно сказал я. — Мне и всем моим знакомым в Морках журналисты телефоны обрывают.

К горлу подступила знакомая волна тошноты, аппетит резко пропал. Лишняя публичность, тем более такая вот сомнительная, мне ни к чему. Особенно сейчас.

— Это хорошо или опасно? — спросил я, хотя ответ знал заранее.

— И то и другое, — философски заметил Караяннис. — Хорошо — потому что теперь в том же суде не отмахнутся. Слишком много глаз. Слишком много шума. Опасно — потому что ты перестал быть частным лицом и тебя теперь все видят. А когда тебя видят, тебя легче достать. Только не физически, а... репутационно. Или административно. Или через налоговую. Но об этом я сам подумаю, ты сейчас пока не переживай.

— Не буду.

Он отмахнулся, словно вопрос моей безопасности был для него второстепенной формальностью, и сделал знак официанту, чтобы тот принес счет. Я уже знал эту манеру: когда Караяннис торопится рассчитаться, он собирался выдать нечто такое, что отобьет аппетит окончательно.

— Кстати, мне передавали, что Первый канал оставлял запрос. — Караяннис произнес это между делом, не отрываясь от оленины. — Ток-шоу какое-то. Я велел пока не отвечать, но ты имей в виду, если число просмотров вырастет еще, они сами тебя найдут. И тогда лучше идти, чем прятаться. Потому что иначе они расскажут свою историю, понимаешь?

Официант подошел, но Караяннис махнул ему рукой, не сводя с меня глаз.

— Счет вот этому молодому человеку.

Официант положил передо мной черную замшевую книжицу с чеком внутри, а я понял, что это еще не вся бомба. Или пока еще не она. Открыл счет и при виде суммы еле-еле удержал бесстрастное лицо. Положил деньги вместе с чаевыми и вернул книжечку.

Дождавшись, пока официант уйдет, Караяннис сказал, сложив руки на столе:

— А теперь, Сережа, я хочу, чтобы ты меня внимательно выслушал. Забудь на секунду про мужика на машине. Забудь про стримера Пашку с его подписчиками. Я скажу тебе еще кое-что, ты, главное, не падай в обморок. Ладно?

Я молча кивнул.

— Михайленко, — произнес он фамилию медленно, как приговор, — тот самый, из дуэта с Лысоткиным, который сейчас пытается застолбить статью в Q1, подавал заявку на патент на метод, основанный на результатах исследований покойного академика Епиходова.

— Ну, это мы уже обсуждали. Подавал. Плагиат.

— Не «подавал». А уже «получил», Сережа. Но даже не это главное. Я нашел дату подачи первоначального заявления в Роспатент. Это не подтверждает авторство напрямую, но фиксирует приоритет, если не оспорят.

Он выдержал паузу. Театральную, как и любил. Но сейчас в ней не было выпендрежа. Скорее, подспудное желание, чтобы я правильно подготовился к удару.

— Михайленко подал эти документы ровно за два месяца до того, как Епиходов отошел в мир иной.

Я не понял сначала. А потом офигел. Как так-то? Он подал заявку на патент, а я даже не видел? Не может этого быть! А как они первичную экспертизу прошли, как все это пролетело мимо меня, если я являюсь (точнее, являлся) внутренним рецензентом и все заявки сотрудников нашего НИИ проходили через мои руки? Бред какой-то. Этого не может быть!

— Сергей, — голос Караянниса стал жестче, — академик в тот момент был еще жив. Более того, дееспособен. Он еще читал лекции, писал отчеты и лично практически ежедневно проводил сложнейшие операции. Михайленко, ближайший соратник, не поставил его в известность. Он от своего имени подавал заявку на патент на метод, основанный на исследованиях академика. При живом авторе.

Воздух в ресторане вдруг показался мне спертым. Я отодвинул стакан, который до этого вертел в руках, и поставил его на стол, стараясь, чтобы он не звякнул.

— За два месяца, — повторил я, как заклинание, отодвигая догадку. — То есть... он знал?

— Он либо знал, что академик долго не протянет, либо... — Караяннис развел руками и нанес контрольный, — ...готовился к его смерти и действовал на опережение, надеясь, что тот не успеет ничего предъявить. Но есть еще один слой, Сережа. Юридический. Такие документы не подают просто так, от скуки. Этот патент, насколько я понял, имеет еще и международный уровень. А это уже серьезно и требует подготовки, финансовых вливаний, консультаций с патентными поверенными. Это тщательно продуманный план.

Я молчал, а перед глазами стояла картина: мой тихий кабинет, стопки бумаг, книги, улыбающийся Михайленко уговаривает меня срочно лечь на операцию, потому что результаты анализов неутешительные, Ирина, которая громко рыдает и умоляет послушать Михайленко. Получается, за моей спиной уже всю шла дележка наследства, и я был приговорен еще тогда?

— Это не случайность, — сказал я, и это был не вопрос.

— Не случайность, — эхом отозвался Караяннис. — И вот теперь, когда знаешь про статью в британском журнале, про приоритет, про видеозапись и про то, что Михайленко готовил себе плацдарм еще при жизни академика, ты понимаешь, почему мужик на черной машине — это не настолько важно, как все остальное. Мужик, скорее всего, просто курьер. А заказчики сейчас сидят в кабинетах и пишут научные труды, надеясь, что выкрутятся.

— И Ирина, — тихо добавил я, чувствуя, что в груди все аж сжалось.

— И Ирина, — кивнул Караяннис, и тон его был крайне серьезен.

Подошел официант и принес нам кофе. Я обычно кофе в такое время дня не пью, но бессонная ночь с Анечкой, а теперь и эта, что будет потрачена сперва на вечеринку с аспирантами, а потом на доклад для Терновского... В общем, кофе придется сегодня выпить много, иначе не продержусь. Страшно подумать, что после всего этого констатирует о моем здоровье Система.

— И что мы делаем? — спросил я.

— Мы делаем так... — Караяннис вздохнул. — Ты завтра приезжаешь ко мне в офис. Сидишься с моим помощником и фиксируешь все, что помнишь о взаимоотношениях акаде-

мика и этой парочки. Каждую мелочь. А я... — он достал телефон и пролистал что-то в рабочем чате, — ...я нанесу визит в патентное ведомство. Только не в обычное, а в закрытое. Ты меня понял, я надеюсь. У меня там есть старый знакомый, который должен помочь узнать, кто именно приносил бумаги Михайленко. И если окажется, что подпись академика на доверенности... ну, скажем так, не совсем его, игра для наших великих ученых закончится очень быстро.

Я кивнул.

— Они опередили нас на два месяца, — повторил адвокат, поднимая чашку с кофе, — а мы их — на два дня. И эти два дня, поверь старому цинику, стоят дороже любых двух месяцев.

Он чокнулся с моей чашкой, которую я машинально поднял, и его глаза снова зажглись как у боевого кота.

— Так, — сказал я, возвращая себе дар речи, — давайте еще раз пробежимся по пунктам. Первое: мы опережаем их с патентом, чтобы, как говорится, перекрыть кислород. Второе: находим водителя, чтобы он указал, кому вез «гостинец». И третье: доказываем, что Михайленко не просто плагиатор, а человек, который знал, что делает, и делал это осознанно, пока академик был жив, зная, что тот через месяц-два уже ничего не спросит. Так?

— Bravo, — ехидно отозвался Караяннис. — Ты становишься похож на юриста. Только не радуйся раньше времени. На десерт у меня для тебя ничего приятного нет. Но, — он вдруг посмотрел на меня с неожиданной серьезностью, — я рад, что ты не спрашиваешь, стоило ли оно того. Потому что сейчас, когда мы зацепили эту нить, обратной дороги уже нет.

— Я и не собирался, — ответил я, чувствуя, как внутри поднимается та самая холодная ярость, которая всегда приходила ко мне в самых сложных ситуациях. — Мы их достанем. И через журналы, и через камеры, и через их жадность.

— Это правильный настрой. — Караяннис потянулся за пиджаком, который висел на соседнем стуле. — А теперь помолчи три минуты, и давай доедим этот замечательный тирамису. А то шеф-повар обидится. И советую тебе обсудить патент с дочерью Епиходова. Она же, кажется, тоже в науке?

Я кивнул.

— Вот и чудненько.

Он принялся увлеченно поглощать десерт, а я подумал, что надо будет сначала позвонить Сашке.

Глава 3

Закончив с десертом, Караяннис стремительно покинул ресторан.

Следом и я вышел на улицу в полной задумчивости. И вот как мне сейчас быть?

С одной стороны, хорошо бы все-таки сходить с Лехой и Елисеем на пьянку — я ведь пообещал, но дело даже не в этом. Это хороший способ пропитаться слухами, выяснить, что там да как у Лысоткина.

А с другой стороны, надо бы позвонить Сашке и рассказать о встрече с Караяннисом. Сын, узнав о моих планах, обязательно захочет присоединиться, уж я-то его знаю. Это он при встрече сверкал глазами и рычал, но я видел его насквозь — и потому что сын, и благодаря эмпатическому модулю.

Кроме того, нужно встретиться с Ириной, причем, как бы мое сердце тому ни противилось, сделать это сегодня же, потому что завтра по требованию Караянниса я должен рассказать все, что знаю, его помощникам. И, в-четвертых, нужно у нее выведать все подробности. И пусть уж Белла простит, что в один день эти встречи.

Но самое главное — это то, что я должен сейчас сидеть и писать доклад для Терновского. Это вообще безотлагательно, если я хочу зацепиться за шанс выступить на конференции.

Поежившись от зимнего холода, я зевнул: после сытного ужина предыдущая бессонная ночь с Анечкой навалилась на меня такой тяжестью, что захотелось лечь прямо здесь, где я стою на тротуаре, и сладко уснуть. Причем желание это было непреодолимой силы. Что же делать? Что из этого всего выбрать? Честно говоря, мой организм требовал только сна, но слишком многое от меня зависело, и нужно было как-то разрулить ситуацию.

Я немного подумал, а затем решительно набрал Марусю. В общем, пошел вообще другим путем.

— Маруся, привет, — сказал я.

— Привет, — улыбнулась она. Я почувствовал это по ее изменившемуся, потеплевшему голосу. — Недавно же виделись, Сережа.

— Да, — ответил я. — Слушай, я только что встречался с адвокатом.

— Рассказывай, — потребовала она, и голос ее моментально стал крайне серьезным.

— Ты ведь помнишь, Сашка говорил, чтобы я сперва ему позвонил, но я решил тебе. Потому что хочу сразу два вопроса решить.

— Давай рассказывай! — насторожилась Маруся.

— Завтра я еду к нему в офис и расскажу некоторые нюансы его людям, чтобы они все выяснили по завещанию. А вот нам с тобой надо срочно переоформить патент по научным результатам работы твоего отца на тебя или на нас двоих, потому что его бывшие оппоненты Лысоткин и Михайленко подали от себя это все дело, — затараторил я. — Ты понимаешь?

— Вот же твари! — ругнулась сквозь зубы Маруся. — И что делать, Сережа?

— Погоди, я еще не закончил. Хуже всего, что на меня это все навалилось одновременно, а я обещал Терновскому, что завтра утром покажу ему свою презентацию и доклад на конференцию.

— И что? — насторожилась она.

— А то, что я решил по совету адвоката встретиться с Ириной сегодня. Он прямо настаивал, понимаешь? Может, что-то получится выяснить. Поэтому стопроцентно нормально сесть и написать доклад я не смогу.

— Конечно, не сможешь, — согласилась она. — Ты и за два дня не сможешь. Чай не академик.

Я сдержал нервный смешок.

— За один напишу, — не согласился я. — Материал есть, там только упорядочить и оформить требуется. Но мне надо садиться и спокойно писать. А не бежать на встречу с Ириной.

— И что же делать? — растерянно сказала Маруся.

— Что делать? — переспросил я и сделал паузу, давая возможность Марусе самой ответить на этот вопрос.

— То есть ты хочешь, чтобы я сказала Терновскому, что ты доклад сдашь послезавтра? — догадалась она.

Маруся у меня всегда была умничкой.

— Именно так, — согласился я. — Ну... почти. Скажи, что если успею, то завтра, как договаривались, но если вдруг что... В общем, тогда послезавтра.

Она немного подумала и медленно произнесла:

— Сережа, я не против. Но как я ему это все обосную?

— Так и обоснуй, — сказал я. — Скажи, что я должен встретиться с Ириной — это раз. И что завтра встречаюсь с адвокатом по поводу наследства академика Епиходова — это два.

— Хорошо, — покорно сказала она, но все же спросила: — А если он спросит, почему именно ты?

— Потому что ты меня попросила, — выкрутился я, а сам подумал, что уже так заврался перед детьми, что, наверное, постоянно путаюсь в показаниях. — Потому что сама не хочешь в это влезать, а уж тем более сталкиваться с Ириной, а меня она знает по работе с твоим отцом. Вот.

— А патент?

— А про патент ему ничего пока не говори, — попросил я.

— Почему это? Вообще-то мы друг другу все доверяем.

— Ну, подожди, Маруся, ты еще за него замуж даже не вышла. Мой тебе совет... В общем, дело не в том, чтобы ты ему не доверяла. Просто вопрос щекотливый с этими тварями Лысоткиным и Михайленко, а Борька... ой, Борис Альбертович... Он же эмоциональный, сама знаешь. Возьмет, пойдет к тому же толстяку Михайленко, за грудки потаскает и отлупит. И после этого все рухнет. Понимаешь?

— Да, ты прав, Борька может, — после недолгого молчания задумчиво сказала Маруся, а затем решительно добавила: — Хорошо, я скажу Борьке, что ты доклад сдашь послезавтра. И ничего пока не буду говорить про патент. — Слово «пока» она подчеркнула интонацией.

— Отлично! — обрадовался я. — Только ты мне потом сообщение пришли, чтобы я понимал, согласился он или что.

— Хорошо, — сказала Маруся и отключилась.

Спрятав телефон в карман, я постоял немного, запрокинув голову. С неба повалил крупный, мокрый снег. Снежинки липли к лицу, таяли на щеках, и это было даже приятно после натопленного ресторана. Мимо шли люди, все куда-то торопились — еще бы, в Москве в разгаре рабочая неделя, у всех дела, у всех жизнь. По проезжей части тащился поток машин, тормозные огни мерцали красным сквозь снежную пелену, и все это: фонари, рекламные вывески, фары встречи — превращало обычную московскую улицу в размытую акварель. Где-то визгнул клаксон, кто-то длинно выругался, таксист повернул не туда. После Морков контраст был разительным.

А я подумал, набрался духу и набрал Ирину.

— Сергей, — ответила она мне, моментально подключив мягкий, обволакивающий тон.

— Здравствуйте, Ирина, — ответил я и сразу взял быка за рога. — Как насчет нашей договоренности? Итальянский ресторан, или куда вы еще хотели?

— Мы же договорились на ты, — сказала она и добавила так, словно делала мне огромное одолжение: — Ну хорошо, пусть будет итальянский.

Я знал за ней эту привычку, поэтому никак не отреагировал. К тому же был сыт и встречаться с ней собирался не по доброй воле, так что плевать мне было, итальянский ресторан или вьетнамский. Главное, вытащить из нее информацию.

— Диктуй адрес, — бросил я. — Я выезжаю.

Ирина продиктовала, и, взяв такси, я рванул на место.

По дороге я думал. О Сашке с Марусей, о себе — о том, как угодил в эту паутину. Михайленко, мой многолетний соратник, и Ирина, моя собственная жена, сплели ее терпеливо, как два паука, а я сидел в центре, словно глупая муха, и ничего дальше своего носа не видел.

И ведь самое обидное — никто не предупредил. Ни один человек. Дети к тому моменту отделились, и моя вина в этом немалая. Друзья... а были ли друзья? Кто-то, наверное, заметил, но промолчал. Кто-то не обратил внимания. Кто-то решил, что это не его дело. Получается, что при всей моей тогдашней славе, деньгах, должностях и регалиях я был абсолютно один. Один посреди огромной толпы. И когда мне нужно было не бог весть что, не помощь даже, не деньги, а одно лишь правильное слово, которое протрезвило бы меня и не дало влипнуть как мухе, рядом не оказалось никого.

И вот сейчас, в такси, глядя в заснеженное московское окно, я вдруг осознал: моя новая жизнь в теле Сереги начинает повторять ту же схему. Вокруг меня опять крутится куча народу. Благодарные пациенты, соседи, родственники, коллеги — те, кому я помог, кому вправил кости или жизнь. Но протянут ли они руку, когда мне самому станет худо? Или снова окажется, что толпа — это не опора, а декорация?

Впрочем, что я мог с этим сделать? Я не умел иначе. Если видел, что кому-то плохо, что человек не замечает собственных ошибок — лез помогать. Борька Терновский когда-то в шутку окрестил меня: «догнать и причинить добро». Точнее не скажешь. Я был таким, таким и остался, и переделывать себя в шестьдесят восемь — точнее, в тридцать шесть — уже поздно.

Жаль только, что из настоящих друзей не осталось никого.

Хотя нет — не совсем никого. Подумав о друзьях, я вдруг вспомнил Алену Петровну. Вдова Вадима, моего однокашника по курсам повышения квалификации. Через Вадима мы и познакомились семьями: Белла с Аленой неплохо ладили, мы ходили друг к другу в гости, не так тесно, как с Надеждой, но достаточно, чтобы я помнил ее смех и пироги с вишней. Потом Вадим умер, я закрутился, и Алена просто выпала из моей жизни. Стерлась, как номер телефона из старой записной книжки. Сейчас ей, если не ошибаюсь, лет семьдесят, и кажется, она осталась совершенно одна. Был ли у них ребенок? Не помню. Стыдно, что не помню.

Надо ее найти. Не знаю, что я ей наплету — не придешь же и не скажешь: «Здравствуйте, я ваш покойный друг в новом теле», — но хочется убедиться, что она в порядке. Друзей забывать нельзя, а я забыл — и, может, именно поэтому в решающий момент рядом со мной было пусто. Карма, она ведь такая штука: забудешь ты — забудут тебя.

Я мысленно поставил себе галочку: не сегодня, но пока в Москве и не откладывая.

К ресторану я подъехал, немного подремав по дороге. Сон урывками совершенно не освежил — наоборот, стало еще хуже, веки налились свинцом, и все тело сделалось тяжелым и ватным. Разделся, сразу пошел в мужской туалет. Плеснул холодной воды в лицо, растер уши, покачался на носочках. Плеснул еще. Немного пришел в себя и вышел в зал.

Играла негромкая музыка: фортепиано и саксофон, причем саксофонист выводил такие протяжные, душераздирающие рулады, что меня снова начало клонить в сон. Подошел официант, я сказал, что столик заказан, и он проводил меня на место. Ирины еще не было.

Я сел, попросил меню, равнодушно пролистал его — обычный итальянский ресторан с обычными ценами и обычной пастой. Есть не хотелось, обойдусь салатом. Главное — разговор.

Ирина опоздала почти на сорок минут, но я был к этому готов, решив для себя: просижу хоть час, хоть два, но звонить и спрашивать «ты где» принципиально не буду. Ирина все так вывернет, так завиноватит, что лучше не связываться.

Правда, чуть не уснул — пришлось периодически вертеть шеей и тереть глаза.

И вот наконец она впорхнула в зал, вся такая расчудесная, в темно-синем с пурпурным платье цвета раздавленной черники. Тонкая, изящная, волосы собраны в причудливую высокую прическу, глаза накрашены так, как я любил в прошлой жизни — дымчатые, глубокие, с поволокой.

— Привет, — застенчиво улыбнулась мне Ирина и уселась за столик. — Заждался?

Я пожал плечами и сказал:

— Красивая девушка всегда имеет право немножечко задержаться.

— Скажешь тоже, девушка, — засмеялась Ирина, но смех вышел деланный, и она сама это поняла — оборвала на полуслове.

— Заказывай, — предложил я, кивнул официанту.

— Закажу. Какое вино мы будем пить?

— Я не буду, — отказался я. — Мне еще доклад готовить для аспирантуры.

— Фу, какой ты правильный! — Ирина надула губки. — Такой молодой, а уже такой правильный. Сухарь!

Я обреченно развел руками — что поделать. А вслух, когда официант отошел с заказом, задал вопрос:

— Так о чем ты поговорить хотела?

Я думал, что она сейчас начнет расхваливать Серегу, возможно, даже клеиться, выпытывать, но Ирина бахнула в лоб:

— О деньгах, конечно же. — Она жадно облизнула остреньким язычком губы и выпалила: — Где деньги, Сережа?!

Я удивленно посмотрел на нее — какие деньги?

— Деньги за грант! — произнесла она с таким напором, что милая улыбка на ее губах с ним совершенно не вязалась. Но Ирина была сейчас настолько озабочена финансовым вопросом, что не обратила внимания, как выпала из образа.

— А! — сделал вид, что вспомнил я. — А денег нет. Не-ту, как говорят у нас в Морках.

— Как нету? — Ирина уставилась на меня нехорошим взглядом. — Ты же сказал, что деньги скоро будут.

— Сказал, — подтвердил я.

— Так где деньги? Ты обманул меня!

— Ничего подобного! — Я возмущенно покачал головой. — Деньги есть, но их как бы нет.

— Почему?

— Так санкции же, — сокрушенно вздохнул я и пояснил: — Грант международный, деньги в долларах. Они нам перечислены, но зависли в одном из банков-посредников. Сбербанк блокирует.

Ирина пару минут переваривала услышанное, потом отмерла и спросила обиженным тоном, словно маленькая девочка, у которой отобрали конфетку:

— И что теперь делать?

— Только ждать, — вздохнул я. — Тут теперь все зависит от недружественных стран.

— Вот ведь гадство! — сквозь зубы выругалась Ирина, а затем зыркнула на меня с небольшой надеждой. — А если рвануть в какую-то Турцию или Сербию и открыть там валютный счет? Или, может, даже в Казахстан?

Я вздрогнул:

— В Казахстан точно не надо. Да и никуда не надо, не выйдет. При оформлении гранта мы указали свои русские счета. После поступления заявки в комиссию и одобрения, ничего уже менять нельзя. Помните, мы тогда еле-еле успели сменить реквизиты Сергея Николаевича на ваши?

Ирина кивнула и сказала:

— Тогда держи меня в курсе, Сережа. — Затем маняще улыбнулась и попросила: — Пожалуйста.

— Конечно, вы даже не сомневайтесь, Ирина Павловна, — сказал я и умолк, так как подошел официант и принес заказ.

Когда он ушел, Ирина спросила:

— Сережа, а ты давно был знаком с Сергеем Николаевичем?

Чего-то подобного я и ожидал, поэтому скормил ей заранее подготовленную гипотезу о том, как два года назад докладывал в Самаре на конференции, где меня услышал академик Епиходов и очень удивился, что мы аж тройные тезки. А потом мы побеседовали в кулуарах института, и он взялся руководить мной при написании статьи. Потому что сам я немного увлекся и сделал две небольшие ошибки в статистической обработке, из-за которых у меня баланс и не сходился. Академик Епиходов помог мне найти их и исправить. А дальше мы уже начали с ним работать плотно.

— Но он о тебе никогда не рассказывал, — вкрадчиво продолжила допрос Ирина.

Я обиженно дернул плечом — откуда мне знать.

— А какие документы тебе передавал Сергей Николаевич? — брякнула Ирина, и я аж завис.

Видимо, прочитав у меня на лице изумление, Ирина торопливо пояснила:

— Понимаешь, Сергей Николаевич был воистину великим человеком. И я, как его вдова, хочу увековечить его имя для потомков и сделать дома небольшой музей. Поэтому собираю все, что осталось от него.

Я чуть минералкой не поперхнулся. Вот же жаба! Так хочет увековечить материалы обо мне, бедняжка, что даже не похоронила и не оставила могилки, куда бы мои дети и ученики могли прийти и оплакать.

А вслух ответил:

— Одну книгу я взял тогда, когда мы с вами встречались. По нейрохирургии. Еще два раза он давал информацию на листах А-4.

— Что за информация? — моментально подобралась Ирина.

— Там данные из полевых дневников, — сказал я нарочито безразличным тоном.

— Я хочу их увидеть!

— Да там просто столбики цифр, ничего интересного, — продолжил забрасывать удочку я.

И Ирина попалась окончательно:

— Я же тебе говорю, для музея надо. Все, чего касалась рука Сергея Николаевича, должно быть собрано в одном месте. Пока еще не утерялось...

— Так там просто на принтере распечатка и все, — прикинулся дурачком я. — Эти цифры интересны только узким специалистам. Сергей Николаевич дал мне эту выборку, чтобы я ее статистически обработал. Мы потом планировали публиковаться...

— Все равно принеси мне! — сказала Ирина резко, слишком резко, но потом попыталась смягчить улыбкой. — А себе можешь сделать копию. Понимаешь, Сережа, я очень хочу, чтобы в музее были и такие экспонаты, причем оригиналы.

— Ну хорошо, — сказал я и в душе злорадно усмехнулся.

— Когда принесешь? — не унималась Ирина.

— Эти листы у меня дома, в Казани. В следующий раз приеду и привезу.

— А когда ты приедешь?

Я неопределенно качнул головой:

— Когда вызовут.

И Ирина буркнула:

— Сама узнаю. — Затем она посмотрела на меня томным взглядом и спросила: — А почему ты пошел в аспирантуру именно к Терновскому?

— Он сам пригласил, — ответил я. — Узнал, что я последний ученик Епиходова, и поэтому взял меня. Он же тоже его ученик. Борис Альбертович считает, что раз мы представляем одну научную школу, нам нужно держаться вместе.

— Послушай, Сережа. — Ирина перешла на нежный обволакивающий тон. — Я тебе сейчас кое-что расскажу, а ты уж, пожалуйста, оставь все это между нами.

— Конечно, — кивнул я.

— Терновский хоть и был учеником Сережи... моего Сережи... но он полный бездарь. Сережа тянул его по доброте душевной. Да он много кого тянул... Так что никакой настоящей науки у тебя с ним не выйдет.

Я изобразил, что закручинился. А Ирина начала утешать:

— Но ты не расстраивайся, у вас в институте есть очень хороший и перспективный ученик. Когда ты привезешь мне эти документы, я попытаюсь сделать тебе протекцию, чтобы ты перешел к нему.

— А кто он? — спросил я.

— Потом, Сережа, все потом. — Она улыбнулась, а потом неожиданно выдала: — Гадкий утенок-свистунишка...

Я вздрогнул. Кровь бросилась в лицо, и я чуть не опрокинул бокал с минералкой — едва успел перехватить. Гадкий утенок-свистунишка. Так она называла меня, когда я засыпал перед телевизором с раскрытым ртом. Это было наше и только наше. Домашнее и дурацкое, странное и нежное прозвище. И вот сейчас она произнесла это, глядя на почти незнакомца, и в ее глазах мелькнуло что-то хищное, настороженное.

Проверка? Или случайность? Нет, у Ирины случайностей не бывает, и модуль подтвердил, что она вся в нетерпении от того, что я отвечу. Да не, бред, как она может подозревать, что я-Серега и есть ее бывший муж? Бред, бред.

Но пауза затягивалась. Я чувствовал на себе ее цепкий, немигающий взгляд и нарастающее раздражение. Надо было что-то сказать, и немедленно.

Я не придумал ничего лучшего, чем прикинуться, что не понял ее юмора, и выдать гнусавым голосом Пивасика:

— Какой еще павлин-мавлин, не видишь, мы кюшаемь!

И развел руками — мол, простите, что не понял, ежели чего.

Ирина делано посмеялась, но, судя по модулю, успокоилась. И явно запомнила.

— Долить тебе вина? — спросил я.

Она рассеянно кивнула, а потом вдруг сказала:

— А мне утром звонил Лысоткин. Знаешь такого?

Теперь уже кивнул я.

— Сегодня познакомился.

— Так вот, Казимир Сигизмундович спрашивал про тебя. Почему-то его заинтересовал аспирант по фамилии Епиходов.

— Меня все из-за этой фамилии спрашивают, — улыбнулся я, но внутри явственно похолодело.

После упоминания Лысоткина повисла неуютная пауза, и я решил перехватить инициативу — перевести разговор на что-нибудь безобидное, пока Ирина не задала очередной вопрос, к которому я не готов.

— А ты часто в этом ресторане бываешь? — спросил я, оглядывая зал. — Тут уютно.

— Да, раньше часто ходила, — ответила Ирина, пригубив вино. — С подругами. Мужчины в рестораны не водят, они водят в «Шоколадницу».

— Какой кошмар, — посочувствовал я.

— Ты себе не представляешь, — закатив глаза, рассмеялась она. — Один кавалер пригласил меня на романтический ужин, а потом достал купон на скидку. Купон, Сережа!

Я фыркнул, и Ирина тоже рассмеялась — на этот раз, кажется, искренне.

— А ты, значит, из Казани? — спросила она, наматывая пасту на вилку. — Расскажи что-нибудь про себя. Я же про тебя совсем ничего не знаю.

— Да нечего особо рассказывать, — пожал плечами я. — Казанский хирург, аспирант, живу скучно.

— Не прибедряйся. — Она погрозила мне вилкой. — Хирург, аспирант в Москве, еще и однофамилец знаменитого академика. Это, знаешь, как минимум интригующе. Женат?

— Вдовец.

Лицо Ирины на мгновение изменилось — промелькнуло что-то похожее на настоящее сочувствие, но длилось это ровно секунду.

— Бедный мальчик, — сказала она и дотронулась до моей руки кончиками пальцев. — В таком возрасте — и уже вдовец. А дети есть?

— Нет, — ответил я коротко, давая понять, что тема закрыта.

Ирина кивнула и, к ее чести, не стала давить. Вместо этого откинулась на спинку стула и посмотрела на меня изучающим взглядом:

— Знаешь, что мне в тебе нравится, Сережа?

— Что я не достаю купоны на скидку?

— Нет. — Она улыбнулась. — То, что ты не пытаешься произвести впечатление. Все мужчины, когда сидят напротив женщины, начинают раздуваться, как индюки. А ты ведешь себя спокойно, как будто тебе все равно.

— Мне не все равно, — возразил я и по-настоящему, прикрыв рот, зевнул. — Просто я очень устал. Рейс был самый ранний.

Ирина рассмеялась и подлила себе вина.

— Это даже лучше. Честный мужчина — это такая редкость, что хочется сдать его в музей.

Опять музей. Зациклилась она на этих музеях. Я мысленно усмехнулся.

— Если в тот же музей с документами Сергея Николаевича... — сказал я с невинным видом, подразумевая ее квартиру, — то я с радостью.

Ирина на секунду замерла, потом рассмеялась — чуть громче, чем следовало.

— Ты, оказывается, еще и нахал с юмором. Интересное сочетание.

Мы еще немного поговорили ни о чем. Ирина рассказала, что не любит зиму, что собирается в Черногорию, что хочет собаку, но никак не определится с породой. Я слушал вполуха, кивал, вставлял что-нибудь незначительное и наблюдал за ней. Вот она смеется, поправляет прическу, трогает мочку уха — это у нее привычка, когда нервничает, я помню. Выглядит ослабленной, но взгляд внимательный. Ведет беседу, как шахматную партию: каждый ход — разведка, каждое вроде бы невинное слово — прощупывает мою реакцию.

А я делал вид, что не замечаю, и старательно играл роль простоватого провинциального хирурга, которого легко обаять роскошным платьем и дымчатыми глазами.

Когда вечер подошел к концу, и я вызвал Ирине такси, она обернулась, поцеловала меня в щеку и шепнула на прощание, отчего у меня аж мурашки пошли по спине:

— Ты очень интересный мальчик, Сережа. Очень. Я уже жду не дождусь нашей следующей встречи...

Глава 4

Ирина явно рассчитывала, что я предложу ее проводить, довезти до дома или что-то в таком духе — эмпатический модуль считывал подавленное желание, и дело было, скорее всего, в том, что ей всегда нравились умные мужчины. А я, смею надеяться, показал себя этим вечером отнюдь не глупцом. Но навязываться не стал, хоть и мог бы вытащить из нее больше информации. Играл в долгую: моя сдержанность и равнодушие к ее женским прелестям только пробудят в Ирине еще больший интерес.

К тому же мне не терпелось поговорить с сыном, и первое, что я сделал, когда захлопнул за Ириной дверь такси, — позвонил ему.

— Слушаю, — хмуро буркнул тот, и я узнал в этом всего моего Сашку.

— Привет, Александр, — сказал я. — Это Сергей.

— А, Сергей. — Голос его чуть потеплел. — Что ты хотел? Есть новости?

Сашка всегда был категоричен.

— Да, есть. Мы же договорились, что я расскажу, как прошла встреча с адвокатом.

— Ты с ним уже встретился? — удивился и обрадовался Сашка.

— Да, вот только расстались. В общем, есть новости.

— Ну так отлично! Рассказывай! — потребовал он.

— Это не телефонный разговор, — сдерживая улыбку, сказал я. Уж больно хотелось снова его увидеть. И мои надежды оправдались.

— Тогда надо встретиться! — решительно заявил Сашка. — Завтра я занят, давай сегодня. Ты можешь прямо сейчас?

— Могу, — отозвался я. — А где?

Сашка задумался, потом предложил:

— На Патриках есть неплохой паб, называется «Дубовая бочка». Давай там? Когда ты сможешь?

Прикинув расстояние, пробки и то, что придется поискать паб, о котором впервые слышал, я взял с запасом:

— Давай через час?

— Добро, — сказал Сашка. — Я тогда бронирую. Увидимся там, Сергей.

И мы распрощались.

В такси я размышляя о том, что сегодня у меня какой-то день объедаловки: все время жру, жру, жру — то с Караяннисом, то с Ириной, теперь вот с Сашкой.

Но встретиться нам было надо. Даже не столько потому, что я хотел рассказать о разговоре с Караяннисом, сколько потому, что мне просто требовалось пообщаться с сыном. Как же я по нему соскучился! Какую тяжесть носил все это время в душе — и тут такая возможность. Да, он не знает, что я его отец, но мне нужно знать, какое у него настроение, как дела. А еще я надеялся с ним подружиться, чтобы вовремя подсказывать и удерживать от ошибок. Это моя самая главная цель — помочь ему и Марусе. Все остальное не имеет такого значения, даже моя вторая жизнь... По крайней мере, так я думал и чувствовал сейчас.

В дороге начал засыпать, но только провалился в сон, как меня разбудил звонок.

— Алло, — машинально бросил я, даже не взглянув, кто звонит.

— Серега! — возмущенно воскликнул смутно знакомый голос. — Ты где там пропал? Обещал на полтора часа только, а сам сгинул.

— А кто это? — потирая заспанные глаза, не понял я.

— Ну как кто? Леха это! Аспирант Ильясова.

— А, Леха, — протянул я, сдержав мучительный стон: черт, после встречи с Ириной у меня из головы совсем вылетело, что я обещал этому рыжему Лехе и ушастому Елисею сегодня проставиться.

И что же делать? Рвать контакты, которые еще даже не завязались, глупо. С другой стороны, я должен встретиться с Сашкой.

— Секунду, — сказал я. — У меня тут еще один звонок, на другой линии. Повиси, пожалуйста. Я быстро.

А сам задумался, взяв секундную паузу. Итак, рвать с пацанами никак нельзя, и вместе с тем надо обязательно пообщаться с Сашкой. А что, если я совмещу приятное с полезным? Для Сашки я совершенно чужой человек, якобы ученик его отца, который активно лезет в его семью. И видно, что настроен он ко мне не слишком дружелюбно. Поэтому, если будет небольшая массовка, общение пойдет проще. В нашем возрасте знакомства проходят пластично, а пара пропущенных рюмок стирает любые границы. К тому же, может, получится в компании что-то выведать. Ну а если не срастется, то не срастется. Тогда мы с Сашкой просто перейдем за другой столик, будем сидеть вдвоем и пообщаемся сколько надо.

— Алло, Леха, ты меня слышишь? — Я опять вернулся к телефону.

— Да, че-то ты надолго пропал.

— Да руководитель звонил, заколебал уже, — выкрутился я. — Слушай, а вы где с Елисеем сейчас?

— Да мы тут, у меня на квартире зависаем. У нас была поллитровочка одна, мы ее приговорили, а сейчас включили комп и рубимся в танчики. Но уже надоело. Ждем тебя, ждем, а тебя все нет и нет. Ты же обещал проставиться?

— Раз обещал, значит, проставлюсь, — хмыкнул я и, судя по возгласу Лехи, сильно его обрадовал. — Значит так, квасить на квартире с танчиками скучно и неинтересно, поэтому сделаем так. Сейчас скину тебе адрес, и дуйте с Елисеем туда. Но я буду не один, с одним товарищем.

— О! Вот это нормально! — Я услышал, как они с лопоухим дали друг другу «пять». — Ща выезжаем!

— Ну добро тогда, до встречи.

Скинув адрес, я отключился, причем рот сам по себе растянулся в улыбке от уха до уха в предвкушении. Ну, сейчас загудим! Правда классная же компания подбирается!

Нет, я не собирался напиваться до изумления или в дрова, но немного расслабиться, прийти в себя среди молодых аспирантов, людей моего круга — почему нет? Заодно у меня будет возможность порасспросить Елисея про Лысоткина. А кроме того, пообщаться с Сашкой, не выдавая того, чего мне не хотелось бы ему пока раскрывать.

Улыбнувшись этим мыслям, я окончательно проснулся, и в этот момент такси остановилось возле паба «Дубовая бочка».

Расплатившись, я вышел из машины и толкнул тяжелую дверь.

Внутри было шумно и тепло. На большом экране над барной стойкой шел хоккей, и уфимский «Салават Юлаев» летел казанскому «Ак Барсу» пять-два, судя по счету в углу экрана. Массивные деревянные столы стояли вдоль стен, на каждом лежала картонная табличка с меню на крафтовой бумаге. Народу в поздний вечер вторника тут собралось немного: пара компаний ближе к бару и одинокий мужик с ноутбуком у окна.

Сашку я увидел сразу. Он сидел в дальнем углу, привалившись спиной к стене, и хмуро смотрел в бокал с темным пивом, будто надеялся вычитать там что-то полезное.

— Привет, — сказал я, садясь напротив.

— Привет, — буркнул он, не поднимая головы.

Потом все-таки посмотрел на меня, и я увидел знакомый настороженный взгляд больших темных глаз, доставшихся ему от Беллы.

— Ну? Что адвокат? — спросил он.

Подумав, говорить ли о том, что меня-академика, скорее всего, «умерли», я не стал. Но не стал скрывать ничего о патентах, о подсуетившимся Михайленко и ликующем Лысоткине и добил ошарашенного Сашку просьбой Ирины отдать записи меня-академика якобы для музея.

— Это дрянь скорее удавится, чем сделает что-то просто так, — угрюмо проговорил Сашка и нервно побарабанил по столу.

— Согласен. Те деньги, что я отдал вам с Марусей... Она же на них тоже претендует, но я сказал, что их нет.

— Вот же... гуляющая женщина! Самка собаки! — выругался Сашка, в чем я его горячо поддержал.

Пока мы разговаривали, он поинтересовался, какое пиво предпочитаю, я пожал плечами, потому что после сорока перешел на вино, пиво пил очень редко и слабо разбирался в его сортах, а Сашка подозвал официантку и заказал мне светлое и гренки с чесночным маслом, а себе попросил еще бокал темного и сырные палочки.

Завершая рассказ, я поведал о наших с Марусей планах по патенту и их фонду, но об этом Сашка, видимо, уже знал, просто коротко кивнул, и тема закрылась.

Потом минут десять мы сидели, поглядывая на хоккей и перебрасываясь фразами о погоде и о том, что в Праге уже лег снег, а в Москве пока слякоть. Присматривались друг к другу, осторожно, как два боевых кота на нейтральной территории, и тут я не преувеличиваю. Все-таки я знал его только с отцовской стороны, а вот с такой, где сын даже чуть старше меня-Сергея, он открывался для меня впервые.

Когда с погодой и хоккеем покончили, Сашка отпил пива и аккуратно поставил бокал на стол, собираясь что-то сказать.

— Слушай, Сергей, — наконец проговорил он, не поднимая глаз. — Я днем повел себя как баран. Ты дал мне кучу денег, а я воспринял это как само собой разумеющееся и даже спасибо нормально не сказал.

Он провел пальцем по запотевшему стеклу, стирая дорожку.

— Да брось, фигня какая, — сказал я.

— Не, никакая не фигня, — запротестовал он. — В общем, только когда сел в такси, дошло, что мужик, которого я первый раз в жизни вижу, отдал мне два лимона. И Маруське столько же. Причем мог бы спокойно оставить себе, а мы бы даже не узнали про эти деньги. — Он поднял взгляд. — Короче, спасибо тебе огромное, старик. От всего сердца.

— Пожалуйста, — просто ответил я и с удовольствием пожал протянутую руку.

Сашка кивнул и отхлебнул пива, закрывая тему.

Потом дверь распахнулась, и в паб ввалились Леха с Елисеем.

Точнее, ввалился Леха и сразу скинул с себя пуховик, оставшись в том самом щегольском микровельветовом пиджаке поверх водолазки. Рыжий принес с собой энергию человека, который уже принял на грудь и считает весь мир прекрасным местом.

Следом зашел нескладный и лопоухий Елисей, который старался выглядеть трезвее, чем был на самом деле. Все-таки пол-литра на двоих — это уже не хухры-мухры, и отдача ощущается не только внутри, но и внешне.

— О, Серег! — крикнул Леха.

Он хлопнул меня по плечу, плюхнулся рядом с Сашкой и повернулся к нему.

— А ты кто будешь? — спросил Леха.

— Александр, — сказал Сашка, пожав протянутую руку.

— А я Леха! А ты откуда?

— Из Чехии.

— Из Чехии? — Леха чуть не захлебнулся от восторга и аж подался вперед. — Серьезно? А правда, что у вас пиво дешевле воды?

Сашка впервые за вечер усмехнулся.

— Не дешевле, но за тридцать крон ноль-пять приличного разливного найдешь, — ответил он. — Это примерно рублей сто — сто двадцать.

— О, чешское пиво уважаю! — заявил Леха. — Но пить сегодня будем русскую водку, она еще лучше!

Елисей тем временем тихо сел рядом со мной, поздоровался и уткнулся в меню. Уши у него пылали от розового до багрового, что я уже начинал воспринимать как его нормальное рабочее состояние.

Уточнив у новоприбывших, кто что будет пить, Сашка махнул официантке и заказал графин водки и разливного светлого. Леха тут же отобрал у Елисея меню, пролистал до раздела закусок и загорелся:

— Серег, ты ж проставляешься, значит, жрать тоже с тебя! Колбаски давай, вот эти, баварские с горчицей, и охотничьи тоже. И крылышки. Елисей, крылышки будешь? «Огненные»? — Елисей кивнул, и Леха оживленно потер ладони. — Будешь. И луковые кольца. О, и начос с сыром!

— Может, хватит? — ехидно хмыкнул Сашка.

— Не, не хватит. — Леха ткнул пальцем в меню. — Еще брускетты, вот эти, с вяленным мясом. И ребрышки, если есть. Есть же ребрышки у вас? — Он перегнулся через стол к официантке. — Ребрышки в меду?

Ребрышки были. Официантка записывала, еле поспевая.

Я глянул меню уже после того, как Леха все отгарабанил, и выбрал себе салат с тунцом и авокадо и куриную грудку на гриле. День обедаловки днем обедаловки, но совесть, помноженная на Систему, все-таки не позволяла добить организм жареными ребрышками после ужина с Ириной и обеда с Караяннисом. Но водка требовала закуски, так что выбрал меньшее из зол.

— Салатик? — Леха посмотрел на меня с выражением искренней жалости. — Серег, ты чего, на диете?

— Не мешайте человеку худеть! — потребовал я. — Лето близко.

— Зачем тебе худеть? — удивился Леха.

— Жениться хочу, — отмахнулся я.

— Ладно, нам больше достанется, — философски заключил он.

Когда графин оказался на столе, Леха глянул на него, потом на меня.

— Серега, ты же точно сегодня проставляешься? — спросил он.

— Проставляюсь, — подтвердил я. — Ни в чем себе не отказывай, Алексей!

— Блин, Серега, я тебя уже люблю! — Леха ткнул локтем Елисея. — Скажи, любим же?

— Любим, — с энтузиазмом подтвердил тот и для иллюстрации своей братской любви так активно замотал головой, что я забеспокоился, как бы та не отвалилась.

Сашка разлил всем, а я отказываться не стал, решив, что уж сегодня отступлю от всех правил, потому что когда проводишь время с сыном, то и умереть не жалко. Впрочем, после разовой пьянки оправиться я сумею — восстановил же как-то организм после нескольких лет беспорядочного пьянства Сереги?

А Леха первым поднял рюмку.

— За знакомство! — провозгласил он. — И за Чехию, кстати, раз уж у нас тут международный формат.

— На здрави! — сказал Сашка по-чешски.

Мы чокнулись. Водка прошла мягко, и тут как раз подспела еда. Официантка заставила полстола тарелками: колбаски призывно лоснились, бесстыдно отдавая жаром и чесноком, ребрышки блестели медовой глазурью, от крылышек шел густой дух паприки и дымка.

Леха сразу цапнул охотничью колбаску, откусил и закатил глаза — видимо, бутылка на двоих с Елисеем обеспечила ему зверский аппетит. Елисей подвинул к себе начос и методично окунал каждый треугольник в расплавленный сыр. Сашка надломил брускетту, а я подцепил вилкой кусок тунца и с удивлением обнаружил, что для паба салат оказался весьма приличным.

Леха уже расспрашивал Сашку про Прагу, и вечер, казалось, катился по надежным рельсам. Все еще чинные, все еще приглядываются, но уже не совсем чужие.

Ко второму разливу разговор катился сам. Леха рассказывал, как они с Елисеем играли в танки и проспорили на пиво, Сашка хмыкал, говорил, что «фигня ваши танчики, то ли дело вовка!», и допивал свое темное, а я жевал гренку и с удовольствием слушал, потому что необязательный треп о ерунде оказался именно тем, чего мне так не хватало в последние недели.

Водка сгладила углы. Елисей, до того зажатый и тихий, начал вставлять ехидные и ржачные реплики, а к третьему кругу и вовсе разговорился.

— ...и присылает в два ночи, — говорил он, аспирант Лысоткина, не глядя ни на кого, а крутя в пальцах зубочистку. — Переделай, говорит, таблицу. Переделываю. Утром, в полседьмого, присылает: снова не так, другой формат нужен. Опять переделываю. А потом на кафедре это показывают как его работу. Прикиньте?

Леха покачал головой, но промолчал, и по его лицу было видно, что слышит это не в первый раз.

— Зато закаляюсь, — сказал Елисей и попробовал улыбнуться. — Это опыт. Научный руководитель должен быть строгим, иначе какой из меня потом ученый. Так что я полностью одобряю методы Казимира Сигизмундовича.

Он задумчиво замолчал, будто сам не до конца верил в то, что произнес.

Сашка долил всем водки и сказал:

— Ну-у-у... За опыт!

Мы выпили, а я, поставив рюмку, сказал:

— Только, Елисей, никакой это не опыт. Опыт — это когда ты делаешь что-то по-другому и получаешь другой результат. А когда тебя жмут и ты терпишь — это привычка. Через год будешь терпеть еще лучше. Вопрос: зачем быть терпилой?

Леха перестал жевать сырную палочку и уставился на меня с полуоткрытым ртом. Елисей моргнул, и уши у него пошли от розового к темно-красному.

Сашка, до этого задумчиво двигавший по столу пивной бокал, вдруг поднял на меня глаза, и в них мелькнуло что-то похожее на интерес.

— А что делать-то? — тихо спросил Елисей.

— Для начала перестать называть это опытом, — ответил я. — Назови как есть: тебя используют. Лысоткин тебя использует. А дальше сам решишь.

За столом повисла тишина, в которой было слышно, как комментатор на экране радостно орет про заброшенную шайбу. Добавить мне было нечего, и я промолчал.

Елисей опустил глаза в рюмку, лицо его пошло пятнами. Леха наконец дожевал и ободряюще потрепал его по плечу.

Сашка откинулся на спинку стула и посмотрел на меня долго и оценивающе, как деловые люди смотрят на собеседника, прикидывая, серьезный перед ними человек или так, поболтать вышел. Видимо, решил, что серьезный, потому что едва заметно кивнул и допил пиво.

— Ладно, харэ тут кислячить! — Леха хлопнул ладонями по столу и подался вперед. — Пойдем в караоке, я знаю место тут недалеко на Маросейке, там по ночам вообще адский угар, ад и Израиль!

— В караоке? — переспросил Елисей с таким видом, будто ему предложили прыгнуть с парашютом.

— А поехали! — сказал уже поддатый Сашка.

Прозвучало это коротко и решительно. Я глянул на него и подумал, что в Чехии у него семья, бизнес и ответственность, а здесь, в полупустом московском пабе, можно быть просто Сашкой, который пьет водку с незнакомыми аспирантами и собирается петь всю ночь в караоке. А может, его еще и потянуло на приключения, что вполне вписывается в его характер.

— Тогда давай, Серега, закрывай счет! — потребовал Леха. — А в караоке уже мы с Елисеем, раз пошла такая пьянка!

Я подозвал официантку и попросил счет.

И мы поехали в караоке, пока даже не догадываясь, что готовит нам зимняя московская ночь.

Глава 5

В такси Леха сел впереди и сразу завел с водителем обстоятельный разговор про то, чего нам всем ждать от 2026 года, до которого оставалось всего ничего.

— Я вам так скажу, — рассудительно ответил водитель, не отрывая глаз от дороги. — Ничего хорошего ждать не надо. Тогда, если повезет, приятно удивитесь.

Леха счел это отличной жизненной философией и принялся развивать тему, а мы вдвоем устроились сзади, и Сашка оказался у окна. Он молча смотрел на проплывающие мимо московские улицы, и я тоже. По Маросейке я ходил сотни раз и сейчас узнавал каждый поворот.

В груди защемило от ностальгии по молодости и по прошлой жизни, но я отмел печаль. Не каждому дано начать жить заново, да еще и провести такой вечер с сыном!

Как я и ожидал, вкусы Лехи были непритязательны — караоке-бар оказался на втором этаже над шаурмичной. Мы поднялись по узкой лестнице и попали в длинный зал с низким потолком, где на маленькой сцене мигали цветные прожекторы, а из колонок долбил такой бас, что пол аж вибрировал под ногами. За столиками сидели три или четыре компании, и ближайшая к сцене девушка в блестящем платье как раз допевала что-то попсовое, запрокидывая голову на финальной ноте.

Леха даже не стал садиться.

— Бронирую микрофон! — крикнул он и полез к стойке с каталогом песен.

Мы заняли столик у стены, и я заказал себе минералку, потому что водка в пабе уже дала о себе знать и мне хватило ума притормозить. Сашка попросил виски, а Елисей колу... с виски. Или наоборот.

— За баб! — торжественно провозгласил Леха, когда нам все принесли. — За прекрасных, невыносимых, непостижимых женщин, которые нас бросают, мучают, не перезванивают и пишут «ок» вместо нормального ответа! За то, что они существуют! Потому что без них мы бы сидели дома в трусах, играли в танки и думали, что жизнь удалась. А с ними мы сидим здесь, пьем, страдаем и точно знаем, что жизнь — сложная штука. За сложную штуку!

Мы чокнулись. Сашка покачал головой, но выпил.

— Ты так говоришь, будто тебе как минимум сорок и три развода за спиной, — сказал он.

— Один разрыв, — поправил Леха, загибая палец. — Но зато капец качественный.

— Разрывы не считаются, — отрезал Сашка категорическим тоном. — Вот когда ты пятнадцать лет с одной женщиной, и она каждый день находит новый способ быть правой, а ты каждый день находишь новый способ с этим жить — тогда поговорим.

Я улыбнулся, потому что по одной этой фразе можно было составить полный портрет Сашкиной жены. Элишка — чешка, они познакомились в Москве, а вскоре переехали в Прагу, так как у сына там получилось запустить совместное предприятие, и с тех пор Сашка рассказывал про нее мало, но с таким выражением лица, что все становилось понятно без подробностей. Особенно учитывая, что дедом я так и не стал.

А Елисей повертел стакан в пальцах и едко проворчал:

— А если еще ни разу не было? Ни браков, ни разводов, ни разрывов?

— Значит, впереди самое страшное и самое лучшее одновременно, — уверенно сказал я. — Не торопись.

Леха хлопнул ладонью по столу и объявил:

— Все, мужики, хватит философии. Сейчас я за всех жажну.

И пошел на сцену — пришла его очередь. Он там потоптался, дождался музыки и бегущей строки и затыкнул:

— В шумном зале ресторана, средь веселья и обмана...

Песню рыжий исполнил так, будто это был его личный гимн: громко, яростно, мимо нот, с закрытыми глазами, вздымая свободную руку на каждом припеве.

Зал хлопал и подпевал, особенно яростно затягивая «А-а-а-ах какая женщина-а-а-а!», потому что устоять перед этой песней не мог никто, а Лехин напор даже отсутствие слуха сделал почти обаятельным. На финальном «Мне б такую!» он ткнул пальцем в зал в сторону компании девушек и раскланялся.

— Елисей, твоя очередь! — заявил он, вернувшись к столику.

— Нет, — замотал головой Елисей, и уши у него мгновенно стали пунцовыми. — Я не пою. Ни за что.

— Ладно, — сказал Леха и повернулся к Сашке. — Тогда ты давай, Санек.

Я думал, что Сашка отмахнется, но тот залпом допил виски, поставил стакан и встал.

На сцене он взял микрофон, пролистал каталог, нашел нужное и кивнул оператору. Из колонок ударили первые аккорды, и я перестал дышать.

— Я сижу и смотрю в чужое небо из чужого окна, и не вижу ни одной знакомой звезды...

Пел он негромко, чуть хрипло, не попадая в половину нот, но это была та самая песня, которую я ставил ему летом на даче на импортном магнитофоне «Сони», а он просил перемотать и поставить еще раз.

Лето девяносто девятого, наша дача в Подмосковье, веранда с облупившимися перилами. Сашка, загорелый подросток в длинных шортах и с ободранной коленкой, сидит на ступеньках и ждет, пока я перемотаю пленку. По телевизору рассказывают, что Борис Николаевич бодр и работает с документами, кавээнщики «Новые армяне» и сборная Питера шутят про наступающий «линолеум», а на веранде жара, пахнет нагретыми досками, и Цой поет из маленьких динамиков, а Сашка подпевает, не зная половины слов, угадывая по мелодии. Мне тогда перевалило за сорок, и я совершенно уверен, что это и есть счастье, просто не догадываюсь об этом.

— Но если есть в кармане пачка! Сигарет! — жизнеутверждающе завопил Сашка в микрофон, и зал взвыл. — Значит, все не так уж плохо на сегодняшний день!

Когда Сашка закончил, я захлопал первым и громче всех. В горле стоял ком, я сглотнул и отвернулся к стене, делая вид, что ищу официантку, пока лицо не придет в порядок. Меньше всего мне хотелось объяснять аспирантам, почему я аплодирую, будто услышал «Пачку сигарет» впервые в жизни.

Сашка вернулся к столику, с довольным видом плюхнулся на стул и торопливо потянулся за виски, и по его лицу было видно, что он и сам не ожидал от себя такого.

— Накатим? — предложил он.

Но не успели мы ответить, как Леха, не давая опомниться, свирепо крикнул мне не терпящим возражения тоном:

— Серег, теперь ты!

Я хотел отказаться, но Сашка весело и с вызовом глянул на меня, и я подумал: а почему нет? В конце концов, пора проверить, на что способны голосовые связки Сереги и наступал ли ему в детстве медведь на ухо.

Размышляя, что бы я хотел спеть в такой вечер, дошел до сцены, свет ударил в глаза, и зал за прожекторами превратился в темное гудящее пятно. Я пролистал каталог, нашел нужное и кивнул оператору. Пошло вступление, и я закрыл глаза, прежде чем запеть:

— Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю... Я коней своих нагайкою стегаю, погоняю. Что-то воздуху мне мало: ветер пью, туман глотаю... Чую с гибельным восторгом пропадаю, пропадаю...

Голос звучал незнакомо, но слова были мои, и я знал, куда класть каждый выдох, где тянуть, а где отпускать, потому что слышал эту песню, наверное, тысячу раз за жизнь и каждый раз она значила что-то другое. Сейчас она говорила мне про то, что край уже был, и я через него перевалил, а кони как-то вывели.

На припеве я открыл глаза.

— Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее! Вы тугую не слушайте плеть...

В зале стало тише. Компания у сцены перестала звенеть стаканами, и даже бас из колонок, казалось, отступил, хотя, конечно, никто его не приглушал.

— Коль дожить не успел — так хотя бы допеть! Я коней напою, я куплет допою, хоть немного еще постою на краю.

Когда я закончил, тишина продержалась секунду, а потом захлопали. Не так, как Лехе, из вежливости и куража, а иначе, как будто что-то дошло, хотя никто не смог бы сказать, что именно. Девушка в блестящем платье за ближайшим столиком подняла бокал и улыбнулась.

Я выбрал «Коней привередливых» Владимира Семеновича Высоцкого, потому что другой песни для меня в тот момент просто не существовало.

Поставив микрофон на стойку, я пошел обратно. По пути мужик в джинсовке за крайним столом молча показал большой палец, а подруга шепнула ему что-то на ухо, не сводя с меня глаз.

Когда я вернулся на место, Сашка щелкнул пальцами, указав официантке на стакан, и та принесла еще один. Он молча подлил и пододвинул мне стакан с виски. Я взял, хотя собирался держаться минералки, и мы чокнулись, не сказав ни слова.

Девушка, сидевшая за соседним столиком, перегнулась через спинку стула, поймала мой взгляд и уставилась зелеными внимательными глазами. Не став отворачиваться, я изучил ее: темные волосы до плеч, кожаная куртка поверх водолазки, и замечательное лицо модели с обложки журнала, причем без видимой косметики.

— Ты поешь как старик, — обвиняюще сказала она. — Я про голос, не про паспорт. Твой эмоциональный возраст сильно не совпадает с внешностью.

Подруги за ее столиком обернулись. Мягкая блондинка с ямочками, стриженная под мальчика, с яркой помадой и серьгой в ухе.

Леха, заметив обращенное ко мне внимание, первым подвинулся и пригласил:

— Девушки, а давайте к нам? Вас трое, нас четверо, а семь — счастливое число!

Стриженная фыркнула и первой встала.

— А пойдем, — лихо сказала она. — Сидим тут как три тополя на Плющихе.

Блондинка подхватила бокал и сумочку. Моя обвинительница помедлила, глянула на меня с прищуром, будто прикидывала, стоит ли вечер того, и тоже поднялась.

Началась обычная суета двух столиков, сливающихся в один: мы переставляли стулья, стаканы, кто-то звякнул о чей-то бокал. Леха, разумеется, взял на себя церемониймейстерство.

— Так, давайте по-человечески. Я Леха. Это Серега, это Александр, он приехал из Чехии, а это Елисей — он тихий, но хороший.

Уши Елисея мгновенно запылали.

— Вика, — выпалила стриженная, плюхаясь рядом с Лехой. — Дизайнер. Рада знакомству, мальчики.

— Даша, — мягко сказала блондинка, садясь напротив Сашки и одарив его улыбкой с ямочками.

Девушка в кожаной куртке под села ко мне, протянула ладонь, и только тогда я увидел, какие изумрудные у нее глаза.

— Кира, — сказала она.

— Сергей, — ответил я.

— Я слышала, — сказала Кира. — Леха ваш уже доложил.

Тем временем Вика и Леха сцепились так, будто знали друг друга лет десять. Она тараторила, глотая окончания, он перебивал не дослушав, оба хохотали через слово и одновременно лезли показывать друг другу что-то в телефонах. Леха уже звал ее «Викусь», а она его — «рыжий».

Даша, мечтательно подперев подбородок кулачком, расспрашивала Сашку про Прагу — какие там мосты и правда ли что трдельник продается на каждом углу, — а тот отвечал односложно, но не отодвигался. Когда она рассмеялась чему-то, что он буркнул, Сашка так удивился, что его интерес к Даше резко возрос.

Оставшийся сам с собой Елисей сидел с краю, грея ладонями стакан, молчал, но улыбался по-настоящему и, судя по показаниям эмпатического модуля, был счастлив, как ребенок, которого наконец пустили за взрослый стол и разрешили остаться.

Зеленоглазая Кира спросила у Елисея, не заболел ли он — уж больно уши побагровели, — и тот с жаром начал доказывать, что от алкоголя у него краснеют сначала уши, а потом и все лицо.

— Это говорит о непереносимости, — сказал я и посоветовал: — Ты поосторожнее с крепким алкоголем, Елисей, у тебя он плохо перерабатывается. Ты ж медик, сам должен понимать.

— Понимаю, — кивнул тот.

— А мне можно пояснить? — попросила Кира.

— Можно, — сказал я. — Грубо говоря, у Елисея ацетальдегид, продукт распада этанола, не сразу распадается, а накапливается, отравляя организм. Из-за этого расширяются сосуды, отсюда — покраснение, жар, а заодно учащенное сердцебиение и плохое самочувствие.

— И что делать в таких случаях? — заинтересованно спросила девушка. — Ну, кроме варианта вообще не пить.

— Что делать? Сократить дозы, пропускать раунды, чтобы дать время организму справиться с тем, что уже внутри, ну и пить больше воды.

— Слушай, Сергей, ты говоришь как доктор.

— Я и есть доктор, — не стал скрывать я. — Как и все мы здесь. Разве что Сашка в бизнес ушел.

Кира окончательно повернулась ко мне.

— Мне одной кажется, или вы четверо друг друга толком не знаете? — спросила она.

— Не кажется, — признал я. — С Лехой и Елисеем я познакомился днем, мы все аспиранты в хирургическом, а с Александром... хм, тоже сегодня, я вместе с его сестрой работаю над одной темой.

— Ни фиги себе, — удивилась Кира и покачала головой. — А сидите как старые друзья.

— Водка. Сближает людей, — с хитрым видом сказал я на манер рекламного слогана «Нокиа» и зачем-то еще и подмигнул.

Она звонко рассмеялась, и я подумал, что смех у нее хороший, без кокетства. Просто смешно, вот и смеется.

— А чем конкретно занимаешься? — спросила она. — Ну, раз доктор.

— Хирург, — сказал я. — В самой обычной больнице, причем даже не в Москве.

— А вот в это верю, — сказала Кира. — Человек, который выбирает Высоцкого в караоке... явно гость столицы. Не обижайся, просто наблюдение.

Я хотел ответить что-нибудь подходящее, но не нашелся, и Кира потянулась за своим бокалом и отпила, глядя на меня поверх края и улыбаясь.

— Да чего обижаться? — пожал я плечами. — Спел то, что хотелось.

— И это правильно.

Тут к нашему столу подошли четверо кавказцев.

Широкоплечий с густыми бровями и золотой цепочкой двигался первым, покровительственно оглядывая компанию. За ним шел парень помоложе, скуластый, с недобрый прищуром, а еще двое держались позади.

— Красавицы, зачем вы сидите с этими ботаниками? — сочувственно спросил широкоплечий. — Пересаживайтесь к нам, у нас веселее.

— Мы сами решаем, где нам весело, — сухо ответила Кира, даже не повернув головы. Скуластый оглядел наш стол и задержался на Елисее.

— Ты понял, им с этим ушастым клоуном весело, — сказал он широкоплечему. — Цирк уехал, а клоуны остались!

Двое за его спиной делано засмеялись. Уши Елисея вспыхнули, но он промолчал, уставившись в стакан.

— Ребят, мы нормально сидим, — сказал Леха, стараясь улыбаться. — Давайте без...

— Рыжий, тебя кто-то спрашивал? — пренебрежительно перебил скуластый. — Сиди пей, что ты там пьешь, пока тут мужчины разговаривают.

Леха закрыл рот и перестал улыбаться.

Широкоплечий повернулся к девушкам и развел руками.

— Ну, вот видите, красавицы. Я же говорю, пойдёте к нам. У нас приличный коньяк и прекрасное вино, нормальный разговор, нормальная компания. А тут... — Он окинул нас взглядом и не стал договаривать.

Скуластый парень шагнул к нам, и Елисей втянул голову в плечи.

Сашка начал подниматься. Я положил ему руку на плечо, и он сел, хотя челюсть осталась выдвинутой.

Скуластый стоял в полушаге от нашего стола и смотрел на меня, чуть наклонив голову. Двигался он не так, как широкоплечий, — собраннее, мягче, и по тому, как переносил вес с ноги на ногу, я понял, что он спортсмен, причем явно не шахматами занимается. Двое за его спиной переглянулись и встали чуть шире, перекрывая проход между столиками.

Широкоплечий шагнул ближе и уперся костяшками в край стола. Стаканы жалобно звякнули.

— Извините, но нам и с ребятами хорошо, — еле слышно пролепетала Даша, прижав сумочку к груди и пододвигаясь ближе к парням.

— Я не понял, — медленно растягивая слова, сказал широкоплечий, глядя на Киру. — Вас же, девчонки, вежливо пригласили. Вы же выкобениваетесь?

Вика, собравшаяся куда-то звонить, замерла с телефоном в руке. Кто-то нескладно допевал тоскливую песню на сцене.

— И вам вежливо ответили, — сказал я. — Девушки предпочли нашу компанию.

Широкоплечий выпрямился и перевел тяжелый взгляд на меня. Секунду мы смотрели друг на друга, и я прикидывал расклад: четверо на четверых, если считать Елисея, который не в счет, у противников один здоровяк и минимум один знаток боевых искусств, не исключено, что ММА, тесный зал с низким потолком, все выпившие, рядом девушки.

Любой вариант, который начнется с резкого вставания из-за стола, закончится скверно. Но на сцене как раз смолкла музыка, и в наступившей паузе микрофон лежал на стойке, никому не нужный, и мне в голову пришла идея, которая при трезвом рассмотрении показалась бы идиотской. Впрочем, кое-что подкреплялось показаниями Системы.

Так что я взглянул широкоплечему в глаза и спокойно предложил:

— Давай так, мужчины. Мы ведь с вами в караоке, а не в подворотне. В караоке приходят петь, а не выяснять отношения. Вы поете, мы поем. Зал решает, кто спел лучше. Проигравшие отваливают.

За столом стало тихо, и я заметил, как Леха уставился на меня, выпучив глаза. Скуластый переглянулся с широкоплечим и скривил губы — не понял, шучу я или серьезно.

А широкоплечий помолчал. Оглядел меня с головы до ног, и я увидел, как его взгляд задержался на моем костюме, скользнул по расстегнутому вороту, вернулся к глазам. Что-то из увиденного его, видимо, убедило, потому что желваки на скулах разжались и в глазах мелькнул интерес.

Он хмыкнул и протянул руку.

— Гоча, — представился он.

— Сергей, — ответил я, пожав ладонь.

Глава 6

Думаю, мне бы и в голову не пришло устраивать песенный поединок, если бы не вчерашний вечер у Азы Ахметовны. Но вечер был, и поэтическая дуэль тоже, а потому, чтобы сгладить набирающий обороты конфликт, я и предложил первое, что пришло в голову. Вернее, второе. Первым было подраться, но вот этот вариант как раз представлялся глупым. Ни к чему нам такие приключения.

Просто расплатиться и уйти? Наверное, это был бы самый разумный вариант, но не хотелось прогибаться под хамов на глазах у собственного сына. Да и не ушел бы Сашка просто так — я знал его порывистость, Леха тоже в стороне не остался, и вот, пожалуйста, драка на ровном месте.

Так что я предложил спеть, и, на наше счастье, Гоча вызов принял, так как тоже был изрядно поддатый. Конфликт перешел из подворотни на сцену, а на сцене все решает зал, а не кулаки. Ребята, глядишь, остынут, а девушки сами разберутся, с кем им интереснее провести вечер.

— Так что, Сергей, по очкам будем соревноваться или как? — обратился ко мне Гоча.

— Очки очками, но публика, думаю, оценит лучше, как считаешь?

— Хорошо, — кивнул широкоплечий Гоча.

Он махнул своим, и они пошли к сцене, на ходу коротко переговариваясь.

— Аслан, вступаешь вторым, — бросил он скуластому, и тот кивнул.

После чего скинул куртку, оставшись в обтягивающей черной футболке, и размял шею, как перед боем. Двое других встали по бокам, сцепив руки за спиной.

Гоча взял микрофон и, прежде чем выбрать песню, повернулся к залу.

— Значит так, уважаемые! — объявил он хорошо поставленным голосом с явной привычкой к вниманию. — У нас тут небольшой спор с соседним столиком. Мы поем, потом они. А вы в конце решаете, кто лучше. Идет?

Зал загудел одобрительно, кто-то крикнул «Давай!», а девушка в блестящем платье захлопала.

— Вот и договорились, — кивнул Гоча.

Он пролистал каталог, ткнул пальцем. На экране побежала строка, и он запел:

— Белый снег сияет светом, черные глаза... Осень обернется летом, черные глаза...

Пел он густым, низким баритоном, от которого, казалось, завибрировали стаканы на столах. Пел не в зал, а куда-то внутрь себя, полуприкрыв глаза, и голос шел из такой глубины, что стало ясно: мужик не в караоке научился петь, а за каким-нибудь семейным столом, где старшие пели так же — густо, серьезно, с надрывом — и тебе оставалось только подхватить или молчать.

На припеве вступил Аслан — неожиданно чисто, высоко:

— Черные глаза, вспоминаю — умираю! Черные глаза, я только о тебе мечтаю!

И два голоса легли друг на друга так ладно, будто они не в караоке-баре на Маросейке, а где-нибудь в горах, где эхо само достраивает третий голос. Двое оставшихся подпевали негромко, не перетягивая, только добавляя объем, и видно было, что они делали это не раз — на свадьбах, на днях рождения, за длинными столами с вином и тостами. Так поют люди, у которых это сидит в крови.

Кира рядом со мной замерла с бокалом на полпути ко рту. Даша перестала улыбаться и слушала, чуть приоткрыв губы. Даже Леха, который после ухода кавказцев начал бурно возмущаться, заткнулся.

Когда наши противники закончили, зал хлопал по-настоящему, и я вместе со всеми, потому что хорошее пение — это хорошее пение, неважно, в чьем исполнении.

Гоча вернул микрофон на стойку, спустился со сцены и, проходя мимо нашего стола, коротко глянул на меня:

— Ваша очередь, Сергей.

Кивнув ему, я посмотрел на своих.

— Ну, и что поем? — Леха подался вперед и уставился на нас. — Надо что-то мощное, чтобы всех уделать.

— Мощное? — задумался Елисей. — Давайте «Я свободен!» Кипелова?

— Не, на фиг, лучше «Коня»! «Любэ»! — выпалил Леха. — Все знают, все подпоют! Или «Траву у дома» «Землян». Ее вообще невозможно не подпевать.

— Годится, — кивнул я.

— Не, ну «Трава у дома» — это гимн, конечно, но не то, — замотал головой Сашка. — Нам драйв нужен, а не космос. Давайте Цоя — «Звезду по имени Солнце»? Классика.

— Цоя? — хмыкнул Леха. — Саня его только что уже спел. Скажут, других песен не знаем.

Они заспорили, и я слушал, прикидывая. «Конь» — хороша, но лирическая, проиграет напору кавказцев. Цой — беспроегрышно, но Леха прав, я только что пел Высоцкого, и снова идти в ту же сторону — значит повториться. А вот...

— Давайте «Прогулки по воде», — предложил я.

Леха уставился на меня со скептическим выражением на лице.

— «Наутилус»? Это вообще другое. Как мы ими зал поднимем после... — и изобразил нараспев: — Черные-е глаза-а?

— А мы и не будем поднимать, — усмехнулся я. — Мы его уроним.

Сашка подумал секунду, кивнул и встал.

— А давай. Песня — бомба, если не запороть. На другом сыграем.

Мы вышли на сцену вчетвером. Леха встал справа, Елисей — слева, а мы с Сашкой посередине. Парни взяли микрофоны, а я нашел песню Вячеслава Бутусова и кивнул оператору.

Зазвучала музыка, и я тихо запел:

— С причала рыбачил апостол Андрей, а Спаситель гулял по воде... И Андрей доставал из воды пескарей, а Спаситель — погибших людей...

Зал притих. Те, кто болтал за столиками, замолчали, кто тянулся к бокалу — остановился на полпути. Сашка вступил на втором куплете, чуть ниже, и два голоса вместе дали то, чего не было бы поодиночке, — объем и какую-то неожиданную серьезность, от которой стало ясно, что мы поем не ради победы в споре.

— И Андрей закричал — я покину причал, если ты мне откроешь секрет... И Спаситель ответил — спокойно, Андрей, никакого секрета здесь нет...

А в голове крутилось: «...спокойно, Сергей, никакого секрета здесь нет...»

Но тут Леха с Елисеем подхватили на припеве, и Вика за столиком первая начала подпевать одними губами, а за ней потянулись другие, потому что «Прогулки по воде» — из тех песен, которые все знают наизусть, даже если не помнят, когда выучили.

И я тоже, забыв обо всем, самозабвенно пел и думал, что для зала это просто хит из колонок, а для меня каждое слово ложилось на душу по-своему. Я ведь тоже когда-то тонул — в прежней жизни — и утонул-таки, а потом Спаситель вытащил меня и поставил на воду. И вот иду, и пока держит.

— Видишь там, на горе-е-е, возвышается крест! Под ним десяток солдат — повиси-ка на нем. А когда надое-е-ест, возвращайся назад. Гулять по воде-е-е, гулять по воде-е со мной! — надрывая связки и перекрикивая всех нас, проорал Леха.

Когда мы закончили, аплодисменты грянули сразу, с присвистом и улюлюканьем. Кира улыбалась и показывала мне сразу два больших пальца.

Гоча встал из-за своего стола, вышел на сцену, попросил у меня микрофон и поднял руку.

— Ну что, уважаемые? Все слышали, все помнят? Кто за нас? Напомню, мы пели «Черные глаза» многоуважаемого Айдамира Мугу.

Часть зала захлопала, кто-то свистнул.

— А кто за этих? — Гоча кивнул в нашу сторону.

Хлопали громче. Или мне показалось? Нет, не показалось — девушка в блестящем платье у сцены даже привстала, а мужик в джинсовке, тот самый, что показывал мне большой палец после Высоцкого, заорал:

— За апостола Андрея! Однозначно! За Спасителя!

Гоча постоял секунду, оглядел зал, потом посмотрел на меня. Я ждал. Он усмехнулся, пожал плечами и сказал в микрофон:

— Ну, народ сказал — народ знает. Сергей, вы победили.

Гоча пожал мне руку, кивнул и увел своих обратно к столику. Через минуту официантка принесла нам бутылку коньяка.

— Это от соседнего стола, — сказала она.

Я поднял бутылку и кивнул Гоче через зал. Тот поднял свой бокал в ответ, и на этом перемирие было заключено.

— Ну что, за победу! — Леха схватил бутылку и принялся разливать. — Серега, ты гений, я официально заявляю!

— Да брось, — попросил я. — Просто подумал, а что мы теряем?

— Какое еще «брось»? — возмутился тот. — Мы их уделали! Четыре на четыре спели, это был честный баттл, и мы их вынесли! — Он стукнул кулаком по столу, стаканы подпрыгнули, и Вика, хохоча, едва успела подхватить свой. — Знай наших!

Я заметил, как Аслан за дальним столиком повернул голову в нашу сторону. Гоча что-то негромко сказал ему, но тот не ответил, только сжал зубы и отвернулся.

Минут десять все было хорошо. Коньяк оказался приличный, армянский — я пригубил, но с питьем притормозил, потому что чувствовал, что вторую бессонную ночь не выдержу, а мне еще доклад для Борьки писать.

Кира рассказывала, что работает фотографом и снимает репортажи для модного журнала, но не журнала мод, как она посчитала важным уточнить. Даша расспрашивала Сашку про его жизнь в Чехии, а Леха с Викой уже планировали завтра встретиться тет-а-тет.

Девушкам, кстати, было под тридцать, только Вика постарше — тридцать пять. И благодаря Системе я видел, что мы им на самом деле интересны.

В общем, все было хорошо, но Леха не умел праздновать тихо. Каждые две минуты он возвращался к победе, бросал торжествующие взгляды на кавказцев, и голос его, усиленный пивом, водкой и коньяком, разносился по всему залу, перебивая даже музыку.

— Не, ну вы видели их лица, когда зал за нас захлопал? — хохотал он, обращаясь к Вике. — А этот, как его там, Аслан, вообще скис! Стоял как...

— Леха, — тихо сказал я. — Хорош.

— Да я же ничего такого! — искренне удивился он. — Просто констатирую факт!

Мельком глянув в сторону кавказцев, я разглядел, что Гоча сидел спокойно, двое его парней — Магомед и Руслан, как я расслышал из их разговоров, — тоже не дергались. А вот Аслан допивал очередную рюмку, и лицо у него окончательно окаменело.

Я знал этот тип. Такие молчат до упора, пока терпят, а потом падает последняя капля, или та самая соломинка, и они взрываются разом, без предупреждения, и сила взрыва такова, что все в окружении в шоке от кажущейся неадекватности реакции.

С Асланом было то же самое: проигрыш на глазах у зала, симпатичные девушки, которые предпочли нашу компанию, и этот рыжий и нескладный ботаник, который раз за разом напоминает об унижении, даже не понимая, что делает.

Музыка стихла — кто-то из гостей допел «Цветут цветы», и все услышали, как стул скрежетнул по полу. Это Аслан поднялся и пошел к нашему столу.

Подозревая неладное, я на автомате изучил его настроение:

Сканирование завершено.

Объект: Аслан, 26 лет.

Доминирующие состояния:

— *Агрессия на грани срыва (91%).*

— *Унижение подавленное (79%).*

— *Потребность в реванше (84%).*

Дополнительные маркеры:

— *ЧСС 129, координация снижена (алкогольная интоксикация).*

— *Волевое подавление сигналов от старшего.*

— *Фиксация на объекте раздражения.*

Пока я считывал показания, мгновенно среагировал Гоча — поднялся следом и перехватил его за локоть, но Аслан вырвал руку и продолжил идти. Бритый вышибала, стоявший у входа, оторвался от телефона и напрягся.

Аслан остановился у нашего стола, уперся костяшками в край и посмотрел на Леху.

— Слушай сюда, рыжий, — мрачно чеканя слова, сказал он. — Спел песенку, молодец, победил. Но давай теперь по-мужски. Один на один. На улице. А то я смотрю, ты больно борзый. Или только языком можешь работать?

Леха побледнел. Улыбка стекла с его лица, как будто кто-то резко выключил свет.

— Э... погоди, старик, — начал он, — я же просто...

— Просто что? — Аслан наклонился ближе. — Просто сидел тут, орал на весь зал, какой ты весь из себя Кобзон? Теперь покажи, какой ты мужчина.

Гоча подошел сзади и положил скуластому руку на плечо.

— Аслан, хорош. Мы проиграли честно, коньяк послали, они приняли, вопрос закрыт. Не позорь нас.

Аслан сбросил руку и процедил, не сводя глаз с Лехи:

— Мне ненормально. Мне вот ненормально, Гоча.

За столом стало так тихо, что было слышно, как кто-то в другом конце зала печатает сообщение, не подозревая, что тут назревает драка.

Леха сидел не двигаясь, и было видно, что ему страшно, по-настоящему, — куда только делся весь кураж, непонятно.

Вышибала уже шел к нам, но Гоча вышел ему навстречу, поднял ладонь и сказал что-то на ухо. Тот остановился, но замер в двух шагах, скрестив руки на груди.

— Я выйду с тобой, — сказал я Аслану.

Тот повернулся ко мне, покачал головой.

— Тебя не звали, Сергей. К тебе нет претензий.

— Зато у меня появились к тебе, — пожал я плечами. — Ты портишь нам вечер. Да и спор этот начинал я, так что, если хочешь по-мужски, давай по-мужски. Со мной.

Аслан смерил меня взглядом — сверху вниз, оценивающе, как борцы смотрят на соперника перед выходом на ковер, после чего усмехнулся:

— Ладно. Мне без разницы, кого ломать.

Гоча повернулся ко мне и сказал негромко, почти извиняясь:

— Сергей, не стоит. Аслан чемпион республики по греко-римской борьбе. Не надо, серьезно.

Я посмотрел на Леху. Тот так побледнел, словно его только что вытолкнули с рельсов перед несущимся на него поездом. Посмотрел на Сашку — тот подобрался на стуле, готовый вскочить, и я покачал головой: не надо.

По эмпатическому модулю я видел, что координация у него совсем просела — пьян сильнее, чем показывает. Чемпион по греко-римской — это серьезно, но ведь греко-римская работает только выше пояса: захваты, клинч, давление. Ни подсечек, ни болевых на ноги. А самбо все это умеет, и пьяный классик, если полезет в привычный клинч, нарвется на то, чего не ждет.

К тому же во мне жила чужая память самбо, которая уже выручала в этой жизни, то есть тело знало, что делать, оставалось ему не мешать.

И самое удивительное, что и эти знания были не мои. То есть не академика Епиходова. Скорее всего, и не Сереги, потому что, как я осторожно выяснил у родителей, он самбо никогда не занимался. А значит, мне еще много предстоит выяснить не только о Системе, но и... ну да, о себе в этом новом теле.

В общем, взвесив риски, я встал и сказал:

— Ну, пошли.

В конце концов, не убьют же меня? Да и, чего скрывать, алкоголь тоже дал о себе знать, появился какой-то кураж и желание не ударить в грязь лицом перед сыном и новыми друзьями-аспирантами.

Аслан первым пошел на выход, я за ним и все, включая девушек и охранника, высыпали следом. Гоча пытался что-то втолковать Аслану на ходу, но тот не слушал, и он в конце концов махнул рукой и просто пошел рядом.

На улице за время, пока мы сидели внутри, повалил тихий снег, который большими рыхлыми хлопьями ложился на плечи и на капоты припаркованных машин, декабрьская ночь сделалась вдруг мягкой и умиротворяющей. Фонарь на углу подсвечивал снежинки, и они не падали, а медленно оседали, словно кто-то распотрошил подушку несколькими этажами выше. Я даже подумал, что, может, Аслан сейчас продышится и успокоится.

Но нет. Мой противник стянул куртку, бросил на ступеньку и повел плечами, разминая шею. Под футболкой перекатились мышцы, и по одному этому было видно, что Гоча не шутил насчет борьбы и не пытался запугать. Я снял пиджак, оставшись в рубашке, и закатал рукава. Пиджак передал Сашке, который молча взял его, не отводя от меня глаз.

— Тебе оно надо? — вдруг тихо спросил он.

Улыбнувшись, я пожал плечами.

— Начинаем, — проговорил Аслан. — Че сиськи мять, Сергей, поехали.

Мы встали друг напротив друга. Снегом припорошивало его голые плечи, мою рубашку и припаркованный рядом «Порше» с заледеневшими дворниками.

Аслан двинулся первым — быстро, гораздо быстрее, чем я ожидал от пьяного, — пригнувшись, пошел в корпус, выбрасывая руки вперед. Я попытался уйти влево, но он оказался быстрее — зацепил руку, потянул на себя, втягивая в захват, и я сразу почувствовал хватку борца, из которой не вырвешься грубой силой. Чемпион республики, напомнил я себе, и внутри что-то холодно екнуло. Пьяный или нет, руки у него работали на рефлексах, вбитых тысячами тренировок.

Но в следующую секунду мое тело само шагнуло навстречу, врезаясь в него и ломая дистанцию. Аслан инстинктивно потянул сильнее... и этого хватило, потому что я перехватил его правое запястье, шагнул глубже, подставляя бедро, и, наваливаясь корпусом, повернул его же движением...

...и бросил через себя.

Аслан рухнул спиной на мокрый асфальт с глухим ударом, и я вместе с ним на мгновение провалился вниз, упираясь рукой в мокрый асфальт. Тут же сел ближе, прижимая его руку,

фиксируя локоть к своему колену — не столько болевой, сколько контроль, чтобы не дать вскочить.

Снег продолжал падать как ни в чем не бывало, и крупные хлопья ложились на его грудь, перекошенное от удивления лицо и на мои ободранные об асфальт костяшки.

— Пипец... — выматерился за спиной Леха. — Не, ну вы видели?

Я отпустил руку и протянул ладонь.

Аслан лежал, глядя на меня снизу вверх. Лицо у него дернулось — я видел, как он стиснул зубы и сжал кулак свободной руки, на секунду мне показалось, что сейчас он оттолкнет мою ладонь и ринется снова. Но он лежал, снег сыпался ему на скулы, и что-то в нем медленно перегорало — то самое, что весь вечер требовало выхода и наконец получило его. У меня на глазах эмпатический модуль отображал в реальном времени, как снижается его агрессия.

Он взял протянутую руку и поднялся. Отряхнул снег с лопаток, потер плечо. Посмотрел на меня, помолчал.

— Нормально, — сказал он наконец и в голосе скользнуло уважение.

Гоча подошел и посмотрел на меня долгим взглядом, пересчитывая что-то у себя в голове.

— Занимаешься чем-то? — спросил он.

— Раньше занимался, — подтвердил я, не став вдаваться в подробности.

— Красиво бросил, — сказал он, кивнул, потом хлопнул меня по спине так, что я качнулся, и увел Аслана, который подобрал куртку со ступеньки и пошел не оглядываясь.

Я сжал и разжал правый кулак. Костяшки саднили, кожа была содрана в двух местах, но пальцы работали.

Сашка протянул мне пиджак. Я раскатал рукава, Кира помогла застегнуть пуговички, потом надел пиджак и только тогда заметил, что руки подрагивают от адреналина, который схлынул разом, как вода из опрокинутого ведра.

— Серег, ты извини, — тихо сказал Леха. Он стоял рядом, и веселости в нем не осталось ни на грамм. — Спасибо. Переборщил я. Извини.

Я кивнул.

Кира молча подошла, взяла меня за руку и посмотрела на ободранные костяшки. Потом подняла зеленые глаза и сказала:

— Пойдем, Сережа, промоем. У меня в сумке есть антисептик.

— Откуда у тебя антисептик? — не понял я.

— Во-первых, я фотограф-репортажник, — сказала Кира. — У меня в сумке есть все. А во-вторых, осталась привычка после ковида.

Елисей стоял чуть поодаль, засунув руки в карманы. Лопухий не говорил ничего, но смотрел на меня чуть ли не с обожанием. Я поймал его взгляд и подумал, что вот ради этого, может, и стоило выходить на мокрый асфальт.

И все могло бы на этом закончиться, если бы не патруль.

Полицейский «УАЗ-Патриот» вывернул из-за угла, прокатился вдоль тротуара и остановился в десяти метрах от нас.

Вероятно, они увидели самый конец разборок: толпу человек в двенадцать перед закрытой дверью караоке, одного с мокрой спиной, другого с ободранными руками и общую картину, которая не располагала к оптимизму. Двое неторопливо вышли из машины и потянулись к нашей группе.

— Добрый вечер, уважаемые, — сказал старший, оглядывая нас. — Что тут происходит?

— Все нормально, — начал Гоча. — Недоразумение, уже разобрались.

— Разберемся мы, — ответил патрульный. — Документы предъявите, пожалуйста.

И тут Сашка, который весь вечер оставался относительно спокойным, вдруг вздернул подбородок и сделал шаг вперед.

— На каком основании? — удивился он так, что я сразу понял: сын перепутал Москву с Прагой. — Мы же просто стояли на улице и дышали свежим воздухом! Это что, запрещено?

Тут даже невозмутимый Гоча закатил глаза, а я понял, что проблемы пришли оттуда, откуда не ждали.

Глава 7

Проигнорировав Сашку, которому Леха делал страшные глаза и подавал знаки, требуя заткнуться, старший патрульный потер переносицу, оглядел толпу и остановил взгляд на широкоплечем Гоче.

— Все нормально, командир, — подчеркнуто миролюбивым тоном заговорил тот.

— Ну-ну, — хмыкнул старший. Заметив пятно в форме человеческой спины посреди заснеженного тротуара, перевел взгляд глаза на мои руки, и я невольно спрятал их за спину. — Это кто у вас тут на асфальте прилег позагорать?

— Мой товарищ случайно поскользнулся, эти добрые люди помогли подняться, — ровно ответил Гоча. — Уже расходимся, командир.

— Поскользнулся, значит, — повторил тот без выражения и кивнул на меня. — А кулаки этот здоровый ободрал тоже случайно?

— Тоже поскользнулся, — не моргнув глазом ответил Гоча. — Подмерзло все, знаете ли, скользко. Мы тут все поскользнулись, честно говоря. Сейчас разъедемся и больше не будем.

Напарник за его спиной насмешливо хмыкнул. Старший еще раз оглядел нас, и по эмпатическому модулю я увидел, что он прикидывает, стоит ли эта толпа бумажной работы в два ночи. Видимо, решил, что не стоит, потому что махнул рукой:

— Ладно, давайте расходитесь, пока я добрый, — сказал он. — И чтоб я вас тут больше не видел.

Гоча кивнул своим, и кавказцы неспешно двинулись к черному «Гелендвагену». Кира тронула Дашу за локоть и отступила, уводя подруг из-под фонаря.

— Мальчишки, мы замерзли. Будем вас ждать внутри, — сказала Вика.

Проводив их взглядом, старший повернулся к нам четверым.

— Так что? По вашей версии, тоже все поскользнулись, упали, очнулись? — Его тяжелый взгляд упал на Сашку.

— Так точно, — быстро сказал я, пока Сашка чего не ляпнул, и развел руками. — Гололед, сами видите.

Леха энергично закивал, Елисей промолчал, но тоже кивнул.

Патрульный мрачно вздохнул, раздосадовано хлопнул бланком по ладони и двинулся к машине.

Но Сашка, вместо того чтобы промолчать и уйти, выпрямился и расправил плечи — пятнадцать лет в Европе сделали свое дело.

— Минуточку, — сказал он патрульному. — А вы не представились. Вы обязаны представиться и назвать причину задержания.

Полицейский, уже собиравшийся вернуться к своей машине, медленно повернулся и посмотрел на Сашку как на неведому зверушку. С искренним удивлением.

— Представиться? — изумленно переспросил он и вдруг рявкнул: — Пожалуйста. Старший сержант полиции Костров. Основание — подозрение в правонарушении в общественном месте. Предъявите документы, пожалуйста. Все четверо.

Второй патрульный одновременно разочарованно и радостно достал бланк. Снег забивался под расстегнутый ворот рубашки, и я лихорадочно думал, как с минимальными потерями выйти из нелепой ситуации. Самый простой вариант: показать документы, получить штраф и разойтись. Пятнадцать минут, два протокола, все.

Но Сашка не заткнется. Он и трезвый-то всегда категоричный, а поддатый — тем более. А если его оформят, административка в России аукнется ему при продлении вида на жительство. Или визы — я не мог припомнить, в каком он статусе теперь живет в Чехии.

Тем временем Сашка шагнул к патрульному, и тот машинально положил ладонь на дубинку.

А я понял, что нет, не хочу, чтобы из-за меня у сына начались проблемы. И тогда решил, что попробую решить вопрос по-другому. Как у нас принято: договориться.

— Извините, старший сержант, — начал я, считывая показания Системы. — Можем отойти на пару слов?

Костров оглядел меня, с ходу поняв, что ему собираются предложить, и по модулю я увидел, как его раздражение прыгнуло с тридцати процентов до семидесяти двух за долю секунды и окрасилось холодной злостью.

— Что, простите? — переспросил он тихо, и в этой вежливой фразе было больше угрозы, чем если бы он заорал. — Не расслышал. Повторите погромче, пожалуйста. Вот сюда. — Он похлопал себя по груди, где под курткой угадывался прямоугольник нагрудного видеорегистратора.

Я отступил. Ошибка. Тупая, стопроцентная ошибка. Передо мной стоял не участковый из девяностых, а сержант с камерой на груди, который только что хотел отпустить нас по хорошему, а мы его сначала обложили правами, а потом попытались купить. Совсем отстал я от жизни...

— Извините, просто хотел объяснить ситуацию с товарищем, — попытавшись выкрутиться, быстро сказал я. — Он давно живет в Чехии, сегодня только приехал и немного подзабыл наши порядки, это просто недоразу...

— Вот в отделении и объясните, — отрезал Костров и повернулся к напарнику: — Оформляй всех четверых. Двадцать точка один.

— Что это значит? — взвился Леха.

Из объяснений Кострова мы поняли, что это мелкое хулиганство, до пятнадцати суток ареста. Теперь у Сашки при продлении визы или вида на жительство... могут быть проблемы.

Напарник, кажется, только этого и ждал. Леха побелел, Елисей испуганно втянул голову в плечи, а Сашка — Сашка, кажется, только сейчас понял, что натворил, и покраснел. Я и сам клял себя последними словами, потому что административка — плохо для всех, не только для Сашки. Ох, не и погладит меня Караяннис по головке, ох и не погладит... И такая злость на меня накатила за то, что я нарушил свои же обещания и крепко выпил, да так, что теперь, кажется, наломал дров, которые мне еще ой как аукнутся... А я еще собирался на конференции выступать, кретин!

В кармане брюк лежал телефон, в который бы вбит номер бывшего силовика Владимира. Он уже как минимум дважды выручал меня... вернее, Лейлу по моей просьбе, и снова обращаться к нему посреди ночи, злоупотреблять... Я засомневался, потому что берег этот козырь для расследования гибели меня-академика, для момента, когда без него не обойтись. Ну мало ли...

А тут... Спускать козырь на эту глупейшую ситуацию? Черт, ну кто тебя тянул за язык, Сашка?

Но других вариантов не оставалось.

— Погодите минутку, старший сержант, — попросил я.

Под его насмешливым взглядом я достал телефон. Пальцы, деревянные и подрагивающие то ли от адреналина, то ли от холода, не сразу попали в нужный контакт. Звонить я не стал, потому что не хотел будить человека. Решил, будь что будет: если не ответит, то черт с ним, пусть оформляют, с остальным потом разберемся.

Написав сообщение: *«Владимир, доброй ночи. Это Сергей Епиходов. У меня небольшие трудности в Москве. Могу я вам позвонить?»* — я выключил экран и уже клал телефон в карман, когда он завибрировал от звонка.

— Я не сплю, бессонница, — сказал Владимир. — Что у тебя там стряслось, Сергей?

— Я с друзьями, нас четверых оформляет патруль на Маросейке, возле караоке. Старший сержант Костров.

— Причина?

— Выпили в караоке, вышли подышать свежим воздухом.

— Это все? — недоверчиво хмыкнул Владимир.

— Немного поборолись с другими гостями столицы, — объяснил я. — Я поборолся. Их отпустили.

— Понял, жди, — коротко сказал он, но не отключился, спросил: — Кто победил?

— Я.

— Молодец, — услышал я, и следом пошли длинные гудки.

Когда я убрал телефон, по спине прокатился озноб: мокрая от снега рубашка наконец дала о себе знать. Я начал дрожать. Черт, не заболеть бы теперь из-за всего этого!

Из-за закрытой двери караоке глухо доносилась музыка, кто-то надрывался под незнакомую мелодию. Патрульный повернулся к напарнику, тот пожал плечами. Секунд двадцать ничего не происходило, и я уже решил, что не сработает.

Потом рация на плече старшего ожила — короткий треск, щелчок.

— ...Костров, прием... — прошипело оттуда сквозь помехи. — Четверо... Маросейка... да, те самые... Отбой оформления. Повторяю: отбой. Передали сверху.

Старший молча слушал, не перебивая.

— ...Без протокола. Отпустить. Принял? — добавил голос уже четче.

— Принял, — тихо ответил Костров, чуть повернув голову к рации.

Сержант выслушал до конца, не дрогнув ни мускулом, но я-то видел, что он не то чтобы злится, но все же недоволен таким исходом. Впрочем, было в нем и облегчение: старший сержант Костров ведь понимал, что виноваты обе стороны, а Гочу и компанию он уже отпустил, и оттого получалось несправедливо.

— Значит так, граждане певуны, — едко сказал он, убирая бланк. — Свободны. Лучше всего идите домой, отдыхайте, и чтоб без приключений.

Патрульные сели в машину и уехали. Красные габариты растаяли за поворотом. Мы остались на тротуаре, и снег повалил все гуще, засыпая темное пятно на асфальте.

Сашка проводил «УАЗ-Патриот» взглядом, медленно повернулся ко мне и спросил:

— А кому ты звонил, Серега?

— Да так, одному знакомому.

— Спасибо... твоему знакомому, — с видимым облегчением выдохнул он. — И тебе спасибо. Что-то я совсем дурака сваял.

Думаю, Сашка достаточно пожил, чтобы понять цену такого звонка, потому что во взгляде его мелькнуло что-то похожее на уважение.

Но Леха был из другого теста. Он подошел ко мне и спросил:

— Серег, нет, ну серьезно. — Он понизил голос до театрального шепота. — Ты кто вообще такой? И песню спеть, и побороться, и хирург, и аспирант, теперь еще и менты по звонку сверху уезжают? Ты, случайно, не из ФСБ? Или откуда-то повыше?

Я хмыкнул, пожал плечами и засунул ободранные руки в карманы пиджака, потому что пальцы уже не гнулись от холода.

Из «Гелендвагена», который так никуда и не уехал, вдруг вылезли Гоча и остальные и подошли к нам.

— Слушайте, братья, — сказал он. — Пойдемте все обратно, посидим нормально, да? Я угощаю, и не спорьте, мне будет приятно.

Признаться, я держался из последних сил и очень хотел закончить на этом вечер, но за шанс еще немного побыть с сыном... Он ведь совсем скоро уедет в свою Чехию, а я тут. В

общем, остался и, пока не забыл, написал короткое «спасибо» Владимиру. Получил в ответ: *«Не за что, обращайся»*.

Обратно в караоке мы ввалились всей толпой, и бармен за стойкой приподнял брови, обнаружив, что вместо двух разрозненных компаний вернулась одна. Гоча по-хозяйски сдвинул столы, рассадил всех, махнул официанту и заказал коньяк с закуской, а я попросил крепкий зеленый чай. Девчонки снова сели с нами, и щедрый Гоча заказал еще и коктейли.

Аслан сел рядом с ним, потирая ушибленное плечо, и с юмором принялся рассказывать, как его «этот тихий» уложил за секунду, причем в голосе слышалось скорее изумление, чем обида. Все произошедшее видели своими глазами, но послушать со стороны другого участника борцовского поединка на тротуаре была интересно даже мне.

Когда Леха разлил коньяк, а я пододвинул к себе чай, Гоча поднял рюмку первым.

— За мужчин, которые отвечают за слова, — сказал он и посмотрел на меня так укоризненно, что я кивнул, и мне живо сунули в руку рюмку с коньяком.

Мы чокнулись, я пригубил, остальные выпили, особенно Леха старался. Сашка заливал стресс, Елисей просто отогревался после улицы.

Леха тут же подлил всем еще, и за следующие десять минут прозвучало еще два тоста, один другого короче, и все перемешались так, что трудно было вспомнить, кто полчаса назад лежал на асфальте, а кто стоял над ним. Аслан, хлопнув третью, повернулся к Сашке и уточнил, откуда тот, а узнав про Чехию, сильно оживился и стал со смехом рассказывать, как ездил на турнир в Прагу и заблудился в трамваях. Сашка усмехнулся и заметил, что в пражских трамваях заблудиться могут все, даже местные.

Кира сидела справа от меня, обхватив обеими ладонями чашку чая, и задавала вопросы по врачебной части.

— Вот ты говорил, что мозг с возрастом стареет, — сказала она. — А можно ли обратить вспять возрастные изменения?

Завтра я собирался писать доклад ровно на эту тему, так что ответил не задумываясь:

— Понимаешь, Кира, отдельные механизмы старения уже обращали в эксперименте. Мозг пластичнее, чем считалось полвека назад, и на уровне нейронных связей реверсия не фантастика, а скорее вопрос методологии.

Кира замерла с чашкой на полпути ко рту и посмотрела на меня, чуть наклонив голову.

— Я знаю место, где кофе варят всю ночь, — внезапно сказала она. — Поехали туда, расскажешь.

— В другой раз, — мягко ответил я и непроизвольно зевнул. — Извини, вторую ночь без сна. А мне еще доклад для конференции писать.

Она не обиделась, только чуть сузила глаза, словно пометила что-то на будущее.

— Тогда запиши мой номер, — лукаво щурясь, попросила она. — На случай, если передумаешь или если тебе понадобится фотограф-репортажник с антисептиком в сумке.

Я достал телефон и записал под ее диктовку. Разговаривать с ней было на удивление легко: она схватывала мысль на полуслове и вела дальше, не дожидаясь, пока ей разжуешь, и я поймал себя на том, что жалею об отказе, хотя мне и без того хватало приключений на один вечер. Вернее, на последние сутки.

Через стол от нас Даша придвинулась к Сашке, положив подбородок на сцепленные пальцы, и негромко спрашивала о чем-то, ненавязчиво и без нажима. Он слушал, не отстраняясь, но и не подаваясь навстречу, а потом покачал головой.

— Даш, ты чего, я же женат, — сказал он и почему-то посмотрел на меня. — И люблю жену.

Даша моргнула и с натугой рассмеялась.

— Ну и дурак, — сказала она и тут же махнула рукой. — Шучу, шучу. Повезло твоей жене, передай ей от меня. Но номер все-таки запиши...

Леха и Вика тем временем уткнулись каждый в свой телефон, по очереди хохоча над чем-то на экране, и в какой-то момент обменялись контактами, после чего окончательно окуклились в своем пространстве только для них двоих. Елисей с ярко-розовыми ушами сидел рядом с ними, грел в ладонях рюмку коньяка и тихо улыбался.

Через полчаса кавказцы начали собираться. Гоча расплатился по счету, наотрез отказавшись от наших денег, обнял меня на прощание и стиснул плечо. Аслан молча пожал мою руку одним коротким крепким движением. Магомед и Руслан, прощаясь, широко улыбались и приглашали в Махачкалу.

Следом засобирались девушки, и Даша помахала Сашке через стеклянную дверь, а Вика послала Лехе воздушный поцелуй, на который тот ответил шутовским поклоном.

Мы вышли их проводить.

Кира задержалась у такси. Уже из открытой двери она оглянулась.

— Как выпишься, Сережа, обязательно позвони, — сказала она. — Я угощу тебя кофе. Или ужином. А ты мне расскажешь про реверсию нейронных связей. С объяснениями.

Дверь захлопнулась, такси тронулось и уехало в снегопад.

Мы остались вчетвером на пустой улице, и после караоке, коньяка, драки и патруля ватная тишина навалилась разом, как будто кто-то выключил звук. С неба все так же щедро сыпало, фонари тускло горели через один, и на всем тротуаре не было ни машин, ни прохожих, только наши нечеткие следы, которые тут же заносило белым.

Мы решили немного пройтись продышаться, прежде чем разъезжаться. Я собирался в отель, который забронировал еще из Казани онлайн.

Шли, обсуждая перипетии вечера, причем больше всего делился впечатлениями Елисей, который выступал весь вечер независимым наблюдателем от партии лопухих.

Вскоре Леха нашел скамейку под козырьком закрытого цветочного магазина, смахнул снег рукавом пиджака и с кряхтением сел, вытянув ноги. Мы последовали его примеру, и с полминуты никто ничего не говорил, потому что после такого вечера тишина казалась единственно правильным продолжением.

Сашка сидел, привалившись к спинке и запрокинув голову, и смотрел в небо, откуда сыпал и сыпал снег. Потом бросил на меня взгляд и негромко, ни к кому не обращаясь, задумчиво произнес:

— А я вот думаю, что отец мой тоже такой был. Спокойный, никогда не кричал, даже голос не повышал, а все почему-то слушали. И слушались. Харизма такая.

Леха, не поняв, о ком он, но, уловив тему, повернулся к нему и фыркнул.

— У меня батя автослесарь, — сказал он. — Просидел сорок лет в одном гараже. Когда я в институт решил поступать, он посмотрел на меня как на больного и говорит: иди лучше ко мне, сынок, руками научу работать, а не бумажки эти твои перекладывать. В гараже дело верное, лучше синица в руках...

— И что? — спросил Сашка.

— Что-что... Закончил я универ, пошел в аспирантуру, — пожал плечами Леха. — А отец теперь всем соседям по гаражам рассказывает, что сын у него ученый. Хвастается, блин.

Сашка хмыкнул, и даже Елисей улыбнулся, коротко, одним уголком рта.

— А у тебя? — спросил Леха, повернувшись к нему.

Елисей помолчал, прежде чем ответить, и принялся вертеть в пальцах зажигалку, хотя никто из нас не курил. Похоже, прихватил чью-то со стола.

— Папа ушел, когда мне было двенадцать, — сказал он тихо. — Другая семья, другой город. Звонит на день рождения. Иногда забывает.

Леха положил ему руку на плечо и ничего не добавил.

Сашка подался вперед, уперся локтями в колени и уставился на свои ботинки, облепленные мокрым снегом.

— Мой тоже ушел, но потом. Когда матери не стало. И я ему сказал, что он предал ее, — проговорил Сашка глухо и тяжело вздохнул. — Прямо в лицо сказал, выплюнул. А он стоял и молчал. И я уехал и больше не позвонил. И не слышал его больше никогда. Он звонил, а я не отвечал. Не хотел. — Он сжал кулаки так, что костяшки побелели. — А потом он умер.

Снежинки оседали на его темные волосы и сжатые кулаки, а он не стряхивал, будто не замечал.

— И вот теперь я тут сижу пьяный и рассказываю это незнакомым людям, — сказал он, и в голосе была злость, направленная целиком внутрь, на самого себя.

Я подождал, пока повиснет тишина, и ответил:

— Думаю, он молчал, потому что ты был прав, а признать вслух он не смог. Бывает так: чем больше кого-то любишь, тем труднее сказать. А твою маму он любил больше жизни. Ее, тебя и Марусю.

Сашка повернул голову и посмотрел на меня в упор, неверяще, но с надеждой.

— Он тебе это говорил? — тихо спросил он.

— Да, — соврал и в то же время не соврал я.

Он отвел взгляд, стиснул зубы и несколько секунд сидел неподвижно, удерживая что-то, чему не собирался давать выход. Потом медленно разжал кулаки, выдохнул и полез во внутренний карман куртки. Достал плоскую металлическую фляжку, отвинтил крышку и поднял на уровень плеча.

— Парни Гочи подогнали свой коньяк на память, — сказал он. — Давайте за наших отцов? Матерей мы все любим, а вот отцов... Только когда они уходят.

Сашка отпил и передал Лехе. Тот принял, отпил и сунул Елисею, который, помедлив секунду, сделал глоток и протянул фляжку мне. Коньяк обжег горло, я вернул фляжку Сашке, и он завинтил крышку и убрал обратно в карман.

Мы посидели еще с минуту, и никто не произнес ни слова, потому что добавлять было нечего.

Леха первым поднялся со скамейки и скорбно объявил, что вызвал такси, причем так, будто будь его воля, он бы продлил эту ночь еще на сутки. Обнял Сашку, которого знал от силы часов пять, потом меня, потом Елисея и каждому сказал что-то одобрительное и бессвязное. Елисей пошел следом, на ходу промахнулся мимо задней двери подъехавшего такси, схватился за ручку передней, извинился перед водителем и со второй попытки все-таки неуклюже забрался куда нужно. Леха помахал нам через заднее стекло, машина мигнула поворотником и уехала.

Мы с Сашкой остались вдвоем на пустом тротуаре, и снег валил, засыпая следы. Оба вызвали такси: он к Марусе, а я — в свой отель.

Пока ждали, Сашка постоял, засунув руки в карманы, и когда я уже собирался прощаться, повернулся ко мне.

— Серега, — сказал он. — Спасибо тебе... Нет, ты не подумай, не за деньги, не за адвоката. За слова про отца. Капец как мне важно было это услышать. Ты даже не представляешь. Вся жизнь перевернулась.

Он протянул руку, и я пожал ее, Сашка подержал секунду и отпустил. Потом развернулся, поднял воротник куртки и сел в подъехавшее такси.

Мое прибыло через минуту. В салоне я откинулся на заднее сиденье и закрыл глаза. Машина тронулась, навигатор монотонно диктовал повороты, а за окном проплывала ночная Москва, припорошенная свежим снегом, тихая и равнодушная к моим переживаниям и приключениям.

Отель «Сушевский Сафмар» на Сушевском Валу оказался большим прямоугольным зданием со стеклянным фасадом, из тех, где останавливаются командировочные. Ночной портье за стойкой поднял голову от монитора, оформил ключ-карту без лишних вопросов и пожелал

спокойной ночи. В пустом лобби горел приглушенный свет, а ковролин глушил шаги так, что я слышал только собственное дыхание.

Номер на шестом этаже выглядел именно так, как я ожидал: бежевые стены, огромная кровать, рабочий стол у окна с видом на заснеженную улицу. Я в три глотка выпил бутылку минералки, поставил еще одну рядом на стол, чтобы утром не бегать, включил электрочайник и сел на край кровати, собираясь дождаться кипятка. В горле начало першить, и мне хотелось смягчить его горячим чаем, благо в номере были пакетики. Признак наступающей простуды, но оставался шанс, что за хороший сон организм переборет инфекцию.

В этот момент телефон в кармане коротко звякнул. Я достал его и увидел сообщение: *«Спокойной ночи, Сережа. Рада знакомству. Кира».*

Вздыхнув — не надо было делиться контактами, трезвеющий я поставил телефон на зарядку и прилег дожидаться, пока закипит вода.

Чайник щелкнул где-то за гранью сознания, но вставать за кипятком я уже не стал.

Провалился в сон, осознавая, что это был, пожалуй, самый длинный, самый бесконечный и самый тяжелый день в этой моей новой жизни. И что завтра нужно писать доклад, а потом, если повезет, выступать на научной конференции, и организм наверняка сильно просядет после всего этого...

...но я улыбался. Хотя бы ради этого вечера с сыном стоило переродиться.

Глава 8

Проснулся я от душераздирающего сигнала будильника на телефоне. Попытался спрятаться от оглушительного шума, плотно накрыв голову подушкой, однако этот отвратный звон достал меня и там.

Выключив будильник и посмотрев на часы, я застонал: господи, уже почти одиннадцать, а у меня доклад не написан! А еще голова гудит, словно та «Дубовая бочка», где мы вчера так весело начинали вечер.

Да я проснулся уже невыспавшимся! Система не замедлила это подтвердить:

Внимание! Критический дефицит сна! Нарушение циркадных ритмов!

Зафиксировано: 5 часов 41 минута сна (засыпание 05:17, пробуждение 10:58).

Рассогласование циркадного цикла: фаза сна смещена на 5 часов 17 минут.

Накопленный дефицит за последние 72 часа: 17 часов 46 минут.

Уровень кортизола: превышение в 2,1 раза от нормы.

Когнитивные функции снижены на 34%.

Скорость органического восстановления замедлена на 28%.

Рекомендуется: компенсаторный сон не менее 10 часов в ближайшие сутки.

Категорически не рекомендуется принятие ответственных решений.

Буквы расплывались перед глазами, и я попытался снова провалиться в сон, но не смог. И голова болела, и тошнило меня, да и кортизол уже всю будил тело, потому что организм в это время привык бодрствовать. Хорошо хоть удалось поспать до этого времени, и я не вскочил, как обычно, в шесть утра.

Да и Система, поняв, что носитель в сознании, продолжила негодовать, за первым уведомлением пришло второе:

Внимание! Зафиксировано употребление этанола.

Остаточная концентрация: 0,19‰.

Счетчик «Без алкоголя» обнулен (предыдущее значение: 1 295 часов).

Печень: регрессия фиброза F0–F1 приостановлена.

При повторном употреблении в течение 72 часов прогноз по печени будет пересмотрен в сторону ухудшения.

–6 дней 11 часов от продолжительности жизни.

Прогноз продолжительности жизни уточнен: 5 лет 1 месяц 12 дней.

Потерял почти неделю жизни за одну ночь. И ведь мне удалось поспать аж пять с лишним часов, а по статистике, у нас полстраны спит меньше шести часов. Но Система посчитала все оптом, за двое с лишним суток, и тут уж не поспоришь.

Вот это было обиднее, но я знал, на что шел. Любой врач, даже самый пьющий, скажет, что безопасных доз алкоголя не существует и даже пресловутый бокал красного вина... Ладно, чего мусолить, и так все ясно.

Сейчас мне нужно срочно приводить себя в порядок и выполнять всю запланированную работу.

Я тяжело застонал, а затем потянулся с подвыванием так, что аж все суставы захрустели. Потом, стараясь не делать особо резких движений, осторожно встал с кровати, еще более бережно покрутил головой и медленно пробрел к столу. Там стояла прекрасная бутылка мине-

ралки, которую я, молодец и умничка, заботливо приготовил с вечера. Я щедрой рукой налил полный стакан и с наслаждением, маленькими глоточками, аж постанывая от наслаждения, выпил. Бог мой, какая красота! Это не минералка, а эликсир жизни!

В голове хоть немного прояснилось. Теперь бы еще жажнуть крепкого кофе, и я бы стал абсолютно нормальным человеком. Практически нормальным. Поэтому включил электрочайник и отправился в санузел.

Душ я принимал долго, с толком и с расстановкой, чередуя горячий и холодный, практически ледяной. Когда голова окончательно прояснилась и перед глазами перестали мельтешить точки и круги, я насухо вытерся жестким полотенцем, почистил зубы и крепко задумался.

Строго говоря, научные способы облегчить похмелье и помочь организму знают все и каждый. Никаких волшебных таблеток медицина пока не придумала.

С обезвоживанием, неизбежным за ночь даже без алкоголя, я справился, выпив пол-литровую бутылку «Боржоми», но этого крайне мало, нужно за день еще литр–полтора. Электролиты — калий, магний — наверняка капитально просели.

Идем дальше. Сахар у меня на нижней границе, нужен нормальный завтрак — белок, хорошие жиры, сложные углеводы. Кофе можно, но не больше двух чашек. И не помешает для нормальной работоспособности обезболивающее: тот же «Ибупрофен» после еды. А вот парацетамол ни в коем случае нельзя — при остаточном этаноле он добивает печень. Мою печень, которая и без того в фиброзе, мучить точно не стоило.

Значит, первым делом еда.

Желудок, словно получив разрешение, тут же заурчал. Стоп — тут же в отеле завтрак! И он у меня входит в оплату. Я глянул на телефон — без двадцати двенадцать. Шведский стол по расписанию до одиннадцати, но в нормальных отелях не выгоняют ровно по часам.

Сунув телефон в карман и подхватив ключ-карту, я быстрым шагом спустился на первый этаж, стараясь не мотать головой.

Повезло. Кафе еще работало, хотя зал почти опустел: за дальним столиком сидели двое командировочных, а хмурая официантка в черном фартуке уже разбирала десертную секцию. Шведская линия, впрочем, стояла нетронутая.

Я взял поднос и пошел вдоль раздачи. Положил двойную порцию еще не остывшего омлета, щедро добавил овсянки. Прошел мимо сырной нарезки и ветчины, и даже голову отвернул, а вот рядом увидел помидоры — положил в свою тарелку и их. Налил два стакана апельсинового сока и большую чашку черного кофе. Первую из двух разрешенных.

Сел за столик у окна и набросился на еду с жадностью, которой сам от себя не ожидал.

После нескольких глотков сока и половины омлета в голове прояснилось настолько, что я вспомнил: Караяннис! Вчера мы договорились, что я приеду к нему в офис — сесть с его помощником и зафиксировать все, что помню о взаимоотношениях меня-академика с Лысоткиным и Михайленко. Караяннис сказал приехать «завтра утром», то есть сегодня. А я сижу тут и доедаю омлет... Чертовски неловко получилось.

Прожевав и проглотив очередную порцию, я торопливо набрал номер адвоката.

— Доброе утро, Сергей! — до неприличия бодро воскликнул Караяннис. — Помощник мой заточил карандаши, разложил блокноты, ждет тебя, как соловей лета! Ты уже в пути?

— Я в отеле, Артур Давидович, — покаянно сказал я. — И не приеду, по всей вероятности, ни сегодня, ни завтра. Готовлю доклад для научной конференции. Извините, немного переоценил свои силы.

— Вот как, — протянул он и укоризненно добавил: — А голос у тебя, к слову сказать, как у человека, который всю ночь бухал, а не готовил доклад.

— Вы правы, Артур Давидович, немного выпил. В караоке.

— В караоке, — ошеломленно повторил Караяннис таким тоном, словно я признался как минимум в государственной измене. — Великолепно, Сережа. У нас с тобой куча дел, а

мой ключевой свидетель провел ночь в караоке. Надеюсь, ты хоть победил? Или ты там даже не пел, а просто тарашился на красивых москвичек и всяких приезжих девушек?

— Победил, — слегка обиженно от его недоверия моим певческим талантам сказал я. — Еще была знатная драка и даже полиция. Но все обошлось.

— Разумеется, — вздохнул он. — Как же без полиции нынче. Иначе ведь караоке не засчитывается. Ну и что мне с тобой теперь делать?

— Доклад, Артур Давидович. Конференция послезавтра, а у меня ни строчки. Сегодня и завтра пишу безвылазно. Раньше субботы — никак. Край, постараюсь успеть в пятницу ближе к вечеру после конференции. Если совсем срочно, я в отеле «Сущевский Сафмар».

Я услышал, как он листает что-то — то ли ежедневник, то ли телефон.

— До субботы терпит, — хмуро сказал он и вздохнул. — Ладно. Переживем как-нибудь. Но послушай меня внимательно, Сергей. Если на конференции Лысоткин выступит с украденными данными — пусть. Даже хорошо. Публично, перед коллегами, с трибуны, все зафиксировано. Когда мы потом предъявим доказательства того, что эти данные принадлежали Епиходову и были оформлены Михайленко при живом авторе — а доказательства будут, Сережа, — этот доклад станет гвоздем в крышку их гроба. Ты понимаешь это?

— Понимаю, — осторожно сказал я.

— Вот и прекрасно. Пиши свой доклад, а я пока займусь той черной машиной. Мои люди кое-что нашли, но это нетелефонный разговор. Все — в субботу. И, Сережа, — голос стал строже, — больше никакого караоке. А то я в тебе разочаруюсь, а разочаровываюсь в каждом конкретном человеке только раз. Я доступным языком выразился?

— Вполне.

— Хорошо. Поправляйся.

Он отключился, не дожидаясь моего ответа. «Больше никакого караоке» — как будто я школьник, которого отчитали за двойку. Впрочем, Караяннису перевалило за шестой десяток, он Сереге в отцы годится. Так что имеет полное право.

Следом я позвонил Сашке.

— О, — сказал он вместо приветствия. Голос был какой-то мятый и хриплый — не лучше моего. — Живой, Серега?

— Относительно. А ты?

— Башка раскалывается. Ты сам-то как до отеля добрался?

— На такси, — сказал я. — Правда, совершенно не помню, как заселялся.

— Я тоже не помню, как до Маруськи доехал, — усмехнулся Сашка, старательно выговаривая отдельные слова. — Она в шоке была, увидев меня. Когда у тебя конференция?

— Послезавтра. Сегодня и завтра безвылазно сижу за докладом.

— Понял. Тогда, может, в субботу вечером пересечемся? У меня в воскресенье рейс.

— Давай, — сказал я. — У меня утром дела, а потом свободен.

— Заметано. Слушай, — Сашка чуть помедлил, — а Кире ты ответил? Мне Дашка звонила. Ну, та блондиночка, помнишь? Жаловалась, что ты Киру игноришь.

— Еще нет, не писал.

— Так напиши, — сказал он. — Нормальная же девчонка. Чего ты?

— Напишу, — сказал я, чуть помолчав. — Но не обещаю. Не хочу обманывать кое-кого другого.

— Так у тебя есть кто? — удивился Сашка. — А говорил, что свободен. Ну, тогда все правильно. Я тоже свою Элишку обманывать не могу. Вот только... — Он запнулся.

— Что?

— Да, забей. Неважно...

Мы попрощались. Мне хотелось сказать ему многое — гораздо больше, чем я мог себе позволить. А вот его слова про жену мне не понравились. Что еще за «вот только»? Ладно, обязательно все выясню при встрече.

Доев овсянку, я допил сок и потянулся за кофе, когда позвонил Леха.

— СЕРЕГА! БРАТАН! — заорал он в трубку так, что официантка обернулась. — КАК ГОЛОВА?!

— Леха. — Я отодвинул телефон от уха. — У меня похмелье, а ты мне еще в трубку орешь! Палач!

— Извини-извини. — Леха понизил голос до обычного. — Я тут с Викой списался. Сегодня в Третьяковку идем! А у тебя какие планы?

Тут я вспомнил, что обещал Марине Носик сводить ее в театр и помрачнел. И зачем только обещал?

— Какие у меня могут быть планы после вчерашнего? — удивился я.

— А что? Культура лечит! Кстати, — он чуть посерьезнел, — еще раз извини, что этих завел. Ну, Аслана, Гочу и остальных. Если бы не ты...

— Забудь, — сказал я. — Все же нормально закончилось.

— Гоча мне, кстати, в ватсап написал, прикинь? Зовет в субботу на бои без правил! Давай с нами?

— Рыжий, мне не до боев без правил. Я Терновскому обещал помочь с материалами для доклада, а конференция уже послезавтра. У меня конь не валялся!

— Так до субботы что, не успеешь? Ну, как знаешь. Ладно, пошел Елисея лечить, что-то он вообще никакашка.

Он отключился, а у меня прямо-таки зазвенело в ухе от жизнерадостного тона Лехи.

Последней набрал Марусю и спросил, удалось ли ей поговорить с Борькой насчет доклада.

— Да, Сереж, поговорила с ним, — суховатым тоном сказала она.

Я напрягся.

— И?

— Ворчал. Ругался. — Маруся вздохнула. — Сказал, цитирую: «Передай этому охладону, что, если завтра к восьми утра у меня на столе не будет доклада с презентацией, пусть ищет себе другого научного руководителя».

— То есть согласился.

— Согласился. Но ты его должен знать, Сереж. Он с таким не шутит.

— К восьми утра доклад будет, — пообещал я.

И понял, что впереди очень длинный день. И, если не успею, еще одна ночь за компьютером. Система за это спасибо не скажет. Вернее, организм, а Система просто радостно подтвердит.

С этими мыслями я торопливо доел помидоры и допил кофе. Перед уходом налил из кофемашины еще чашку в бумажный стаканчик — вторую и последнюю, больше на сегодня нельзя.

На ресепшне попросил воды в номер и поднялся к себе.

В комнате порылся в сумке и нашел блистер «Ибупрофена». Выдавил таблетку, запил водой, и минут через пятнадцать боль отпустила. Не полностью, но достаточно, чтобы сесть за работу. Я открыл ноутбук и нашел папку с рабочими файлами.

Хорошо, что я еще с тех времен насобирав достаточно много заготовок всевозможных выступлений. У меня в загашнике были как старые доклады, так и разные презентации. Да и заготовку нынешней я частично подготовил заранее, зная, что все это может обернуться как угодно. До утра я должен слепить не только доклад, но и презентацию, потому что уже послезавтра будет конференция, и я боюсь, что иначе пролечу. Ну и Борька требует.

Остаток дня я работал, словно заведенный автомат, но, так как весь доклад у меня в голове давно уже сформировался и был разложен по полочкам, получилось очень даже хорошо. Плюс опыт, который, как говорится, не пропьешь.

Ближе к вечеру я спустился поужинать, не став заказывать в номер, чтобы прогуляться и дать мыслям в голове устаканиться.

После этого перепроверил доклад, отшлифовал презентацию и удовлетворенно хмыкнул: — Похоже, поспать все-таки удастся нормально.

Презентация получилась довольно краткой — всего восемь слайдов. Но зато там было достаточно компактно изложенного материала, для того чтобы произвести нужное впечатление.

Текст лежал на флешке вместе с презентацией, так что будет что показать Борьке, и там же я у него все и распечатаю.

Приняв горячий душ, я лег спать, немного почитал и вырубился мертвецким сном.

***

Следующим утром я проснулся бодрым и полностью восстановившимся.

Проделал обычные для меня процедуры: зарядка, душ, завтрак — и примерно в семь с четвертью утра отправился к институту. Пошел пешком, так как идти было буквально полчаса.

Шел, размышляя о своих планах на время в Москве. Вчера мой телефон продолжали атаковать журналисты, и я даже пару раз ответил, но бросил трубку, попросив больше не беспокоить. Писала Кира, но я вежливо уклонился от предложения встретиться. Под вечер звонил Леха, уговаривал вшестером с ним, Сашкой, Дашей, Викой и Кирой погулять, но я, каким бы большим ни был соблазн, отказался. Возможно, получится сегодня?

А добравшись до института, поднялся к кабинету Терновского. Обозначив вежливым стуком свое присутствие, вошел.

— Здравствуйте, Борис Альбертович, — вежливым голосом сказал я, демонстрируя легкое раскаяние от своего поступка.

Борька посмотрел на меня хмурым недовольным взглядом и буркнул что-то невнятное, что, вероятно, тоже обозначало приветствие, а не ругательство. Во всяком случае, мне хотелось в это верить.

— Принес доклад и презентацию, — сообщил я.

— И что я теперь успею? — сердито фыркнул он. — Завтра уже пленарный доклад, ты должен был еще вчера мне все принести, а приперся только сейчас! — На Борьку было страшно смотреть. — Еще и Марию втянул, чтобы она твоим адвокатом была!

Я развел руками:

— Ну извините, — покаянным голосом произнес я.

Борька, видимо, понял, что слегка перегнул палку и дареному коню в зубы не смотрят, и ворчливо бросил:

— Давай сюда.

Я протянул ему флешку, Борька вставил ее в компьютер и начал смотреть. По мере чтения лицо его вытягивалось от одобрительного удивления, а когда он перешел к самой презентации, глаза блеснули азартом.

— Однако, — одобрительно протянул он, помолчав, и откинулся на спинку стула.

А я все это время сидел напротив и, затаив дыхание, наблюдал, как он читает результаты моей работы.

— Не ожидал, — еще раз посмотрел он на меня и прищурился. — Вот скажи, Сергей, честно, ты сам все это написал?

— Сам, — кивнул я.

— Не может этого быть! — недоверчиво покачал головой Терновский.

— Давайте скажу так: прежде чем этот доклад составлять, я очень много консультировался с самим Сергеем Николаевичем, — ответил я. — Поэтому можно сказать, что здесь девяносто процентов — наши совместные идеи и мысли. Точнее, это его идеи, трансформированные и развитые мной при его полном одобрении. И да, еще вот одна часть. — Я указал в презентации на один из слайдов. — Вот это у меня было не так, я там сделал совершенно по-другому. А Сергей Николаевич посоветовал исправить, я послушался, и вот вам результат. Но он его, к сожалению, не увидел.

— Да, хорошо, хорошо, — удивленно сказал Терновский и с довольным видом проворчал: — Ладно, доклад принимается. Распечатай в двух экземплярах. Я, значит, завтра начну. А в конце дам тебе пять минут. Вот смотри — последний слайд, он твой, так уж и быть. Выйдешь к трибуне, после того как я тебя представлю, и кратко расскажешь. Главное — соблюдай регламент. У тебя день и вся ночь впереди, так что потренироваться успеешь.

— Спасибо, спасибо большое, Борис Альбертович. — Я, радостно заулыбавшись, пожал руку Терновскому.

— Да чего уж там, — хмыкнул Борька. — Свои люди, сочтемся.

Я забрал распечатку доклада, свою флешку, оставив копию на компьютере у Терновского, и с довольным видом вышел из кабинета.

По дороге из института я заглянул в ближайший торговый центр — пришлось прикупить новый темно-серый костюм, галстук и белую рубашку, раз по глупости «Бриони» не взял. Но зато будет нужная обновка. Деловые костюмы мне нужны. Здесь главное, чтобы Валера со своими когтями к нему не добрался.

Стоит ли говорить, что остаток дня и всю ночь я готовил доклад. Причем не один слайд на последние пять минут, а полностью.

Так что в Третьяковку или на бои без правил не попал, а может, и в театр Леха с Елисеем, Сашкой и девчонками пошли без меня.

Глава 9

Утром я, красивый, наглаженный, в новом парадном костюме, сияющий, словно медный пятак, пришел в институт.

Конференция должна была начаться в одиннадцать утра — первый день получился сокращенный. Так решило руководство по просьбе делегации с Дальнего Востока, потому что они не успевали приехать, а их директор тоже должен был принять участие с докладом в пленарном заседании. Поэтому я отправился сразу в аспирантскую, чтобы раздеться.

Вадим Норкин развалился на стуле и ковырял что-то в телефоне. Миша Шульц, опавшийся за стеной папок, сосредоточенно печатал — на мое «доброе утро» буркнул нечто невнятное, не поднимая головы. Артур Кржаневский стоял у зеркала на двери шкафа и поправлял узел галстука — окинул меня взглядом с ног до головы, хмыкнул неопределенным тоном и вернулся к своему отражению. В общем, парни занимались каждый своими делами, на мое приветствие откликнулись вяло.

Лиза Перепечкина сидела и просматривала программку конференции.

— О, программка уже готова, — заметил я, заинтересовавшись.

— Да, — ответила она, однако посмотреть не дала. — Ты бы сходил да зарегистрировался заранее, а то ближе к одиннадцати все эти делегации начнут появляться. Такая суматоха и толкотня будет, что не пробьешься. Мы уже все давно зарегистрировались.

— О как! — протянул я.

Предложение Лизы было очень дельным. Поэтому я напрямик направился в помещение рядом с конференц-залом, где стояли столы для регистрации и стенды с постерными докладами. Там пока было пусто, за столом сидела всего одна девочка — я знал, что она работала помощницей в библиотеке и сегодня ее подключили помогать на регистрации, но остальные пока еще не пришли.

— Здравствуй, Наташа, — сказал я. — Ты здесь одна? Можно зарегистрироваться?

— Можно, — улыбнулась она и машинально поправила локон. — Уже многие аспиранты зарегистрировались. Паспорт давай.

Я посмотрел на нее.

— А зачем? Назвать имя-отчество недостаточно?

— Таков порядок в этом году, — пожалала плечами она.

Переписав данные, она выдала мне тонюсенькую папочку с логотипом Московского государственного научно-исследовательского института нейрохирургии и названием конференции.

— Епиходов? — переспросила Наташа, подняв голову от списка. — Подожди, а ты не тот Епиходов? Ну, из видео этого, где деревня с вилами и все такое?

Я постарался сохранить невозмутимое лицо.

— Однофамилец, — сказал я.

— Жалко, — разочарованно протянула Наташа и хмыкнула: — Но похож как две капли. Ладно, твое дело. А то тут с утра журналисты крутились, уточняли, точно ли это ты будешь на конференции. Я им сказала, что не знаю. — Она пожалала плечами и вернулась к папкам.

Журналисты? На конференции? Вот этого мне только не хватало.

С этими мыслями я изучил содержимое. В папке было четыре пустых листа А4, новый дешевый блокнот, ручка и программка. Все с логотипами конференции и института. За Наташиной спиной стояли стеллажи, в которых хранились большие, увесистые пакеты для участников.

— А мне такой пакет? — указал я на стеллажи, хотя прекрасно знал, что аспирантам никогда такие большие пакеты на конференциях не перепали, или же перепали редко, но не удержался, решил полюбопытствовать и чуток протроллить Наташу.

— Это только для делегатов, — сказала со вздохом Наташа. — В этом году финансирование урезали, и так еле-еле в бюджет поместились.

Я улыбнулся.

— Да не переживай, — махнула рукой она. — Половина барахла внутри пакета — это труды ученых нашего института за последние два года. У нас этого добра полно. Если хочешь — приходи в библиотеку, я тебе сколько угодно этих книжек дам.

— Понятно, — усмехнулся я. — Все как обычно, лишь бы какой-нибудь ерундой наполнить пакет.

У меня в прошлой жизни после всех этих конференций материалов скопилось столько, что, когда я однажды делал расхламление, вынес на мусорку, наверное, мешков восемь.

Зарегистрировавшись, я первым делом взял программку, чтобы полюбоваться своей фамилией в перечне докладчиков пленарного заседания. И, к огромному удивлению, ее не нашел — там значился только Терновский и название нашего доклада.

— Очуметь, — пробормотал я и посмотрел на Наташу. — А скажи, почему моя фамилия не стоит в содокладчиках?

Она пожала плечами и равнодушно посмотрела на меня.

— Это к Федьке.

— Понятно, — кивнул я.

— Да ты не расстраивайся, — сказала она. — Этот Федька вечно что-то напутает.

Я пошел к Федору, который отвечал за составление программы, но его на месте не было. Понятно, что перед началом конференции он, как организатор, мотался по этажам, а не сидел в кабинете. Вздохнув, я отправился к Терновскому, постучал в дверь. Тот сидел, насупившись, за столом, весь помятый, с красными глазами.

— Здравствуйте, Борис Альбертович, что-то вид у вас печальный, — не удержался от легкой подколки я.

— Еще бы не печальный, — буркнул он. — Вчера приехал мой однокашник Степка из Ямало-Ненецкого округа, тоже на нашу конференцию. Остановился жить у меня. Так мы с ним как засели — всю ночь гудели. Я доклад даже не читал, помню только то, что ты там немножко рассказывал. Вот сижу сейчас — голова как барабан, и похмелиться нельзя, потому что не идти же бухим выступать перед научной общественностью.

Он тяжело вздохнул.

— Борис Альбертович, вы видели программку? — спросил я.

— А че там? — поморщился он. Борька был раздражен, и ему не нравилось, что его отвлекают досужими разговорами.

— Там только вы стоите докладчиком, а мою фамилию не внесли, — наябедничал я.

— А, ну да, я знаю, — равнодушно кивнул он. — Дело в том, что за участие в пленарных докладах в этом году полагаются премии, небольшие, правда, но тем не менее. Поэтому руководство посчитало, что эти премии получают только научные руководители, которые будут в пленарном докладе участвовать. Вот и не внесли ни тебя, ни Иванова, который тоже содокладчик. Но ты не переживай, я оставлю тебе минут пять, так что покрасоваться за трибуной успеешь, — хохотнул он и начал вчитываться в листы. — И в тезисах конференции твоя фамилия будет.

— Хорошо, — сказал я в изрядном замешательстве.

Я ведь так старался, когда готовил этот доклад, он должен был стать моим триумфом. Но, судя по тому, что шалопай-Борька, как обычно, совершенно не подготовился, слушать его не будут. А уж меня, когда выйду, тем более.

Что же делать?

Я чуть не застонал. Вот бы придумать что-нибудь, чтобы Борька вообще не докладывал.

Поджав губы, я задумался: как быть? И тут вдруг навстречу мне из бокового коридора вышла Марина Носик. Рванув к ней, я схватил девушку за плечо.

— Марина, иди сюда быстренько, — шепнул тихим голосом.

— Что случилось? — с тревогой спросила она.

— Помоги мне, пожалуйста, — умоляющим голосом прошептал я. — Ты можешь меня выручить? Вопрос жизни и смерти!

— Могу, — кивнула Марина, и глаза ее зажглись жадным любопытством, как у торговки пирожками на рынке. — Что нужно сделать?

— А ты не струсил?

— Нет, — с решительным видом покачала головой она.

— Короче, смотри. Минут через пять я выведу из кабинета Терновского, и мы с ним уйдем. Твоя задача — зайти к нему в кабинет. Там на столе лежит стопочка листов. Прямо на клавиатуре. Пять листов распечатанных. Это доклад. Так вот, ты должна забрать все эти листы, оставить только один, верхний. Ну, там видно, где первый, потому что он начинается со слов: «Уважаемые коллеги».

— Да как же?! — аж побледнела Марина. — Если меня застукают, выгонят из аспирантуры.

— Ты же говорила, что на все способна, — напомнил я.

Глаза Марины налились слезами и стали размером с циферблат Тораццо Кремоны.

— Не переживай, — успокаивающим тоном сказал я. — Сделаешь так: возьмешь эти листы и где-нибудь спрячешь на себе. У тебя же, смотри, пиджак оверсайз, юбка длинная.

— Может, под юбку? Или в сапог засуну, — сказала Марина. — Их же мять можно?

— Можно, — кивнул я.

— А если меня застукают, что я скажу?

— Легко отмажешься, — ответил я и дал ей флешку. — Скажешь, что это я передал презентацию доклада Терновскому, ты зашла отдать, а Терновского не было, а ты торопилась по своим делам и решила флешку положить ему на стол. Вот и все.

— Отлично, — с облегчением улыбнулась Марина. — Сделаю. А как ты выманишь Терновского?

— Это уже мое дело. Когда закончишь, пришли мне на телефон смайлик, и я буду знать, что можно его отпускать. Только поторопись, пожалуйста.

— Хорошо, — кивнула Марина и спряталась в коридоре за кадкой с фикусом.

А я заглянул обратно в кабинет и сказал:

— Борис Альбертович, можно вас на минуточку?

— Да что тебе надо? Говори, — нахмурился он. — Времени мало. Я и так ничего не успеваю.

— На одну минуточку буквально. Вы же все равно, наверное, хотите кофе выпить, так давайте я вас угощу кофе и кое-что расскажу.

— А почему нельзя кофе принести сюда и рассказать мне здесь?

Я отвел глаза и еще раз упрямо произнес:

— Пожалуйста...

— Ну ладно, — с тяжким вздохом он встал. — Но если это какая-то ерунда, — хмуро буркнул он, — ты очень сильно пожалеешь, Епиходов.

— Борис Альбертович, я разве давал вам повод усомниться в себе?

Терновский посмотрел на меня воспаленными глазами, но в его взгляде читался скепсис.

— Пока не успел, — хмыкнул он.

Мне сейчас было не до физиогномических задач, поэтому я провел его в соседний коридор, где был автомат с кофе. И услышал, как за спиной пулей юркнула в кабинет Марина.

Я угостил Терновского кофе. К моему счастью, автомат работал крайне медленно.

— Ну, что там? — проворчал он.

— Вы знаете, я вам не хотел в кабинете говорить, потому что, может, и прослушивающее устройство у вас там...

— Что?! — взревел Терновский, потом схватился со страдальческим видом за голову.

— Я уже ничему не удивлюсь, — ответил я. — Сами же видите, все равно вам нужно немножко взбодриться. Так вот, вопрос такой: вы знаете, что я на днях встречался с Ириной?

— Какой Ириной? — не понял Терновский.

— Епиходовой.

— Да ты что... — прищурился он. — А зачем?

— Она пыталась выяснить, какие материалы отдавал мне покойный Сергей Николаевич, и забрать обратно.

— А он тебе что-то разве отдавал? — спросил Терновский.

— Да там два листочка с данными и книжка, учебник по нейрохирургии, а так больше ничего.

— Ага, понятно. Листочки потом покажешь, — велел Терновский.

— Хорошо, они у меня в Казани остались, я потом привезу, потому что Ирина Павловна велела ей все отдать.

— Не вздумай, — рыкнул Терновский и опять, ойкнув, схватился за голову. — Пока не покажешь мне, — добавил он, увидев мое изумление.

— Хорошо, — кивнул я. — Так вот. Это не самое главное, что я хотел вам рассказать.

— А что? — спросил он.

— То, что она сказала, чтобы я уходил от вас и что здесь, в институте, есть очень известный ученый, хороший исследователь и авторитетный человек. И что я должен перейти к нему.

— Что за ученый? — На лице у Терновского выразились такое изумление и злость, что мне аж страшно стало. Хоть бы он Ирину не убил.

— Не знаю, она не сказала. Думаю, в следующий раз, когда привезу ей документы, скажет.

— И что?

— Не собираюсь я никуда переходить, — заверил я. — Мне просто интересно, зачем она это делает.

— Мне вот теперь тоже, — задумался Терновский, страдальчески схватился за голову, а затем сделал большой глоток кофе.

В этот момент мне на телефон пришло сообщение. Я посмотрел — смайлик от Марины.

— На этом все, — сказал я.

— Ладно, — буркнул Терновский. — Иди готовь доклад, свои пять минут там, концовку. Это твоё.

— Хорошо, — кивнул я.

Терновский отправился к себе в кабинет. Я спустился к библиотеке, там уже стояла Марина, которая аж тряслась от возбуждения, а на щеках были красные пятна.

— Ну что? — спросил я.

— Вот! — воровато оглянувшись, она вытащила из сапога мятые листы и протянула мне.

— А один оставила? Первый?

— Да, — кивнула она.

— Спасибо тебе, Марина. Даже не представляешь, как ты меня выручила! — поблагодарил я, торопливо пряча листы.

— С тебя ресторан, — лукаво улыбнулась она. — Не надо самый дорогой, можно просто кафешку, но чтобы вечером. Или кино. Или в театр сходим, да?

— Обязательно сходим, — пообещал я. — Ты хочешь в Москве или в Казани?

— Мне без разницы, — сказала она.

— Хорошо, давай на днях.

Кивнув Марине, я отправился выступать. Теперь все зависело от самого Борьки. Если он отнесется серьезно и все же полистает доклад, то увидит, что он неполный, и заново распечатает. А если обнаружит это в последний момент, выступить лучше мне.

В большом институтском зале, где вот-вот должна была состояться конференция, людей набилось столько, что яблоку негде упасть. Аспирантов, которых сначала, как водится, пригласили в обязательном порядке, попросили обратно на выход — мест для делегаций из других вузов не хватало. Они теперь могли смотреть только по видеосвязи. Ну, кто хотел, конечно.

Я вошел в переполненный зал. Так как теперь я значился содокладчиком Терновского на пленарном заседании, мое место было в первых рядах под номером двадцать семь — почти в самом конце, сбоку. Но это так, чтобы вставать и выходить к трибуне удобно было. Соответственно, я направился туда. На моем месте сидела усиленно молодящаяся женщина с ярко накрашенным лицом. Я помнил ее по своей прошлой жизни — Лада Георгиевна, кандидат наук, она занималась метаболическими показателями. Как ученый была слабенькой, но настойчивой. Я иногда помогал ей, даже включал в свои гранты и статьи. Хотя я так многим помогал.

Когда подошел к своему месту, Лада Георгиевна окинула меня цепким взглядом и всем видом выразила недоумение.

— Извините, это мое место, — обратился я к ней.

— С каких это пор аспиранты имеют свое личное место в конференц-зале? — неприветливо хмыкнула она, а сидящие рядом дамы едко засмеялись.

— Чей это вы аспирант такой невоспитанный? — задала вопрос Екатерина Андреевна с кафедры массового анализа.

Отвечать, само собой, я не стал. Пришлось поискать место в другом ряду. Так как все стулья были заняты, я спросил у распорядителя, и мне выделили уголок в третьем ряду. Зато с краю.

Зал гудел и шумел, до начала оставалось минут десять. С замиранием сердца я глядел на коллег и соратников, с которыми мне в прошлой жизни доводилось славно поработать. Краем глаза отметил, что даже эмгэушники были. Чуют, что сенсацией запахло, потому и явились практически полным профессорским составом.

Наконец, время вышло, народ рассосался по местам, еще кое-где юркие старички перекивались из разных рядов, остальные уже приготовились, притихли.

С приветственным словом выступил директор института, коренастый, плешивенький мужичок, я его не знал из прошлой жизни, какой-то министерский, скорей всего, на пересидку в науку отправили. Следующим вещал его заместитель. Скажу честно, я сидел все это время как на иголках, поэтому, о чем он рассказывал, не уловил совершенно. В первом ряду майской розой цвел Лысоткин, рядом лучезарно улыбался Михайленко. А я не мог отвести от них взгляда.

Со своего места мне что-то просемафорил Борька Терновский, но, честно скажу, не до него мне сейчас было. Телефон пискнул сообщением, сидящая рядом женщина недовольно на меня покосилась. Я посмотрел: писал Терновский. Сообщение было такое:

«Сергей, ты доклад подготовил полностью?»

«Полностью, конечно», — ответил я.

До выхода Лысоткина оставалось пять минут.

Ладони у меня повлажнели.

Черт возьми, никогда так не волновался.

А этот придурок, замдиректора, как назло, затянул доклад. В зале уже зевать начали, поднялся шумок, народ потянулся к телефонам. Я сидел и еле сдерживался, чтобы не вскочить и не заткнуть ему рот.

Тренькнуло снова:

«А ты не боишься выступать на сцене?»

«Нет», — ответил я.

Но все когда-нибудь кончается, заместитель завершил свой доклад и с гордым видом направился к месту в президиум под шумок вяленьких вежливых аплодисментов.

Тренькнуло опять:

«А ты хорошо доклад выучил? Я решил дать тебе возможность самому выступить. Сам только начну. Так что готовься».

— Да что ж это такое?! — возмущенно шикнула на меня женщина сбоку. Я ее не знал, но шепнул «извините».

«Хорошо выучил. Наизусть. Спасибо. Не подведу», — ответил я.

— А сейчас слово для доклада предоставляется профессору Лысоткину Казимиру Сигизмундовичу.

В зале заметно оживились. Эмгэушники вытащили телефоны и приготовились записывать слово в слово.

Лысоткин вышел за трибуну и окинул зал самодовольным взглядом:

— Уважаемые коллеги! Уважаемый Федор Степанович! Уважаемые гости! Позвольте представить вам материалы своих многолетних уникальных наработок.

В первом ряду недовольно крикнул Михайленко. Лысоткин услышал и чуток поправился:

— В данных исследованиях я хочу также отметить значительный вклад моего соратника и коллеги Михайленко Романа Александровича.

Михайленко расцвел и чуток подуспокоился.

Зал наострил уши.

А Лысоткин начал доклад.

Глава 10

Лысоткин окинул забитый научным народом зал о

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.